

Карлов университет г. Праги
Философский факультет
Отделение переводоведения

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

Комментированный русский перевод:
ЦИЛЕК, Вацлав. Пейзажи внутренние и внешние.
Praha: Nakladatelství Dokořán, 2010. с. 104-112, 121-129.

Komentovaný ruský překlad:
CÍLEK, Václav. Krajiny vnitřní a vnější.
Praha: Nakladatelství Dokořán, 2010. s. 104-112, 121-129.

Commented Russian translation:
CÍLEK, Václav. Krajiny vnitřní a vnější.
Praha: Nakladatelství Dokořán, 2010. p. 104-112, 121-129.

Студентки III курса специальности
«Межкультурная коммуникация: чешский
язык как иностранный — русский язык»
Шиенок Кристины Владимировны

Научный руководитель –
Ing. Mgr. Мария Молчан

Прага 2012

Я выражаю благодарность моему научному руководителю Ing. Mgr. Марии Молчан за ценные советы, замечания и учебно-методическую помощь, а также автору Вацлаву Цилеку за предоставленные пояснения.

Я заявляю, что бакалаврскую работу написала самостоятельно, что надлежащим образом цитировала все использованные источники и литературу и что данная работа не была использована в рамках обучения в ином ВУЗе или для получения иного или такого же титула.

Прага 2012

.....
Шиенок Кристина Владимировна

Аннотация

Бакалаврская работа состоит из двух частей. Первая часть — это перевод двух глав из книги Вацлава Цилека «Пейзажи внутренние и внешние», конкретно интервью «Влияет ли пейзаж на душу? (разговор о чешском пейзаже и хип-хопе)» и эссе «Китайцы и чешский барочный пейзаж». Вторая часть работы представляет собой комментарий к переводу и состоит из переводческого анализа оригинала, определения концепции и выбора стратегии перевода, типологии переводческих проблем и способов их решения.

Ключевые слова: перевод, переводческий анализ, концепция перевода, стратегия перевода, переводческая проблема, переводческая трансформация

Anotace

Bakalářská práce obsahuje dvě části. První je překlad dvou kapitol z knihy Václava Cílka „Krajiny vnitřní a vnější“, a to rozhovoru „Ovlivňuje naše krajina naši duši? (rozhovor o české krajině a hip hopu)“ a eseje „Číňané a česká barokní krajina“. Druhá část práce je odborný komentář k překladu, který se skládá z překladatelské analýzy předlohy, určení koncepce a metody překladu, typologie překladatelských problémů a způsobů jejich řešení.

Ключевые слова: překlad, překladatelská analýza, koncepce překladu, strategie překladu, překladatelský problém, překladatelský posun

Abstract

The thesis consist of two parts. The first part is a translation of two chapters from the book *Krajiny vnitřní a vnější* by Václav Cílek, an interview „Ovlivňuje naše krajina naši duši? (rozhovor o české krajině a hip hopu)“ and an essay „Číňané a česká barokní krajina“ in particular. The second part is a commentary on the translation, which includes translation analysis of the source text, determination of the overall approach to the translation and the translation method, a typology of the translation problems and ways of solving them.

Key words: translation, translation analysis, approach to translation, translation strategy, translation problem, translation shift

Содержание

Глава 1. Текст перевода	9
Глава 2. Комментарий к переводу	29
2.1 Переводческий анализ оригинала и стратегия перевода	29
2.1.1 Об авторе	29
2.1.2 О произведении	30
2.1.2.1 Экстралингвистические факторы	31
2.1.2.2 Интралингвистические факторы	32
2.1.3 Стратегия перевода	33
2.2 Типология переводческих проблем и способы их решения	34
2.2.1 Лексический уровень	34
2.2.1.1 Полисемия	34
2.2.1.2 Имена собственные	37
2.2.1.2.1 Топонимы	37
2.2.1.2.2 Антропонимы	40
2.2.1.2.2 Наименования	41
2.2.1.3 Термины	43
2.2.1.4 Этнографизмы	44
2.2.1.5 Заимствования	45
2.2.1.6 Труднопереводимые лексемы	47
2.2.1.7 Перифразы	47
2.2.2 Грамматический уровень	49
2.2.3 Стилистический уровень	54
2.2.4 Прагматический уровень	55
Библиографический список	58
Приложение	

Использованные сокращения

О — текст оригинала

П — текст перевода

прим. — примечание

пер. — перевод

т. е. — то есть

т. о. — таким образом

т. к. — так как

Глава 1. Текст перевода

ВАЦЛАВ ЦИЛЕК (*1955)

Влияет ли пейзаж на душу?

Разговор о чешском пейзаже и хип-хопе

Во время инаугурации президента Кеннеди его придворный поэт Роберт Фрост выступил с речью, в которой описал ощущения первопроходцев, ступивших на новую землю. Они чувствовали, что эта земля им еще не принадлежала, не только потому, что они не проникли на ее территорию, но и потому, что сама земля пока еще не сделала их своей собственностью. Необходимо было сделать ее особенной, со своей историей и событиями. Все даже еще более жестоко: для того, чтобы чувствовать себя на какой-то земле как дома, надо на ней вести гражданскую войну. Наверное, для того, чтобы земля вас приняла, ее просто необходимо оросить кровью, это имеет глубокое магическое значение. Фрост тем самым напомнил о важном факте: земля имеет загадочную способность делать человека своей собственностью. С этим мы можем встретиться везде, но есть места, где это происходит чаще и сильнее. Например, в Уэльсе, Бретани, Тоскане. А также в Чехии. Чешская котловина — одно из сильнейших мест такого типа. Хороший пример — чешская еврейская община: ведь во времена войны их страной была Чехия. Вовсе не Палестина — она была землей обетованной. То же самое мы можем наблюдать на примере иностранцев, которые оседают в Чехии. Страна ими завладевает, переплавляет их по образу своему и подобию. Поэтому можно утверждать, что существует что-то вроде национального менталитета, обусловленного пейзажем. Но его, однако, не просто понять. Например, очевидна разница между чехами и мораванами. Моравия — это ложбины, прямая, соединяющая между собой Среднедунайскую равнину, дунайский пояс и Польшу. Поэтому у нее «проходной» характер: люди хорошо относятся к новоприбывшим, они открыты и гостеприимны. Чешский характер, наоборот, закрыт в котловине. Он тверже, печальнее, меланхоличнее, более замкнутый. Кроме того, у чехов, как у одного целого, нет моря, которое бы позволило размахнуться и ощутить масштаб, отсюда и мелочность, чешская мизерность. Границы Чехии везде наталкиваются на соседей, таким образом, и соседи внутри страны наталкиваются друг на друга,

завидуют, плохо друг к другу относятся. Для наших предков взаимодействие души и пейзажа было более очевидным. Вплоть до XX века шестьдесят-восемьдесят процентов жителей находились в прямом контакте с почвой. Когда вы дотрагиваетесь до почвы, она дотрагивается до вас. Вы изменяете ее, а она изменяет вас. В прямом и метафизическом смысле. У земледельцев за плечами сотни лет экспериментов с почвой. Это сделало их взгляды консервативными. Они знали, что если привезут абрикосы из Италии, то раз в пятнадцать лет абрикосы во всем крае вымерзнут. Если такое повторится два-три раза, люди это просто запомнят. Иногда это называется «*философским ограничением*» — в данном случае сам процесс обработки почвы вам навязывает определенные правила, взгляды. По сути, земледелие гласит, что если даст Господь Бог и не будет неурожая, то чем больше вы трудитесь, тем больше получите. Однако правило не работает, если вы родом из шахтерского поселка. Тут вам необходимо «*умаслить*» горных духов. Здесь всё зависит, скорее, от удачи, от благосклонности Господа Бога, от благосклонности «*сильных мира сего*» и властей. Умственная ограниченность в шахтерском крае обусловлена чувством страха, из которого рождается своеобразный тип набожности. С одной стороны, она очень сильная, но, с другой стороны, все же немного языческая. Шахтер работает с силами земли, с подземным миром, практически с преисподней, он зависим от него. Земледелец регулярно ходит в церковь, живет в мире и согласии, понимание земледельческой магии дожиночное¹, веселое. Приветствуется цикл, распорядок. В шахтерском деле, наоборот, ритуал намного более суровый, темный. Как раз в преисподней, в шахтах рождается промышленная эра и ее менталитет. Сталинская магия. Вплоть до магии *heavy metal*. О том, что земля влияет на черты людей, пишут много, хотя это ужасно тяжело доказать. Однако стоит оглядеться, и вы это увидите.

■ Как Вам кажется, чешский пейзаж скорее мужской или женский?

Ответ во множественном числе — чешские земли. Мать — это Индия или Русь. У немцев свой Фатерлянд. Поэтому Бердяев пишет, что немецкий мужской элемент превосходно сочетается с русским женским, отсюда и мистические отношения между немцами и русскими на различных уровнях. С точки зрения геоморфологии, чешские земли — это, по сути, два типа ландшафта. Плоский

¹ Дожинки – праздник в честь окончания жатвы, был известен у большинства земледельческих народов, в т. ч. у славян.

сельскохозяйственный, который неожиданно проваливается в каменистый каньон, как, например, в ландшафтном заповеднике Кокоржин. Мы уже даже не замечаем, но крепкие горные породы и каменистая местность здесь удивительно вписываются в мягкий сельскохозяйственный пейзаж. Это одна из основных геоморфологических характеристик чешских земель — комбинация мягкого и твердого. Этот плюрализм, комбинация элементов, содержится во множественной форме названия «чешские земли». Гора Ржип действительно выглядит как грудь земли-кормилицы. Она находится посреди старого сельскохозяйственного пейзажа и была когда-то «*axis mundi*» — центром чешских исторических земель, которые простирались от Крушных гор к возвышенности Брди. Когда стоит хорошая погода, то гору Ржип можно увидеть со всех центров исторических областей Чехии. Кроме того, на вершине горы нет практически никаких археологических находок, например, городища, как можно было бы ожидать. Судя по всему, это был некий Олимп, место для богов, а внизу, у подножия горы, происходили жертвоприношения. Находясь на вершине и окинув взглядом пространство вокруг, вы заметите другую мистическую гору — Милешевку, или Громовую гору, откуда, кстати, пришел первый легендарный князь чехов Пржемысл Пахарь. В различных мифологических системах верховный бог всегда мужского пола и управляет громом, как Зевс, Перун. Таким образом, Громовая гора или, как ее называют немцы, Доннерсберг — это второй полюс горы Ржип и резиденция мужественного бога, правителя Олимпа. Так что даже в Чешском Среднегорье полярность женского Ржипа и мужского Доннерсберга тесно соседствуют. Чешские земли — синтетичный пейзаж. Это всегда сочетание нескольких принципов, своеобразная смесь.

■ Чешская душа такая же «синтетичная»?

Интересный переходный рубеж наблюдается в этом смысле на протяжении последних лет и связан он, частично, с волной кельтизма. В наши времена чешская история всегда начиналась с прихода славян. До них тут, безусловно, что-то было, но это не было так существенно. А сейчас вдруг для молодых, и не только, людей стало допустимо, что их история начинается не от праотца Чеха¹. Изначально считалось, что славяне пришли на достаточно опустевшую

¹ Чех, Лех и Рус — согласно одной из наиболее известных и распространенных легенд, три славянских брата, основавшие Чехию, Польшу и Русь.

территорию, но это не правда. Только в одной Праге насчитывалось двадцать различных керамических культур, а ведь это двадцать потерянных империй. Как видно, преемственная связь с этим утраченным миром намного больше, чем мы когда-то могли себе представить. Это преемственность культурная. Историк и публицист Душан Тржештик, например, говорит о том, что чешские рождественские обычаи можно проследить до бронзового века. Это также и преемственность крови, доказательством которой является наличие у чехов некоторых кельтских генетических черт. Сегодня уже не так сильно верят в переселение народов, сколько в переселение нобилей. Это юноши, которые больше не могли выносить жизнь в условиях местной геронтократии, когда правили старики. Они объединились с холостяками из соседних деревень и отправились в мир. Не обремененные детьми или стариками, они смогли проехать сотни километров за несколько лет. Поселившись на какой-нибудь территории, пусть в чешских землях, эти юноши не хотели никого истреблять, поскольку в таком случае уничтожили бы свою хозяйственную базу. Они стремились назначить своего сборщика налогов. Потом они старели и женились там, где завладели властью и стали сборщиками податей. Женившись, они позовут со своей предыдущей родины новых поселенцев. В археологической записи это будет выглядеть как смена цивилизаций, но сельскохозяйственная основа населения здесь остается. Таким образом, чехи являются смесью различных влияний, часто еще более древних, чем кельтские. Сегодня мы это осознаем, что отражается в современной музыке — я имею в виду не только кельтскую волну и «*world music*», но и те же готик-метал, дум-метал. Это очень интересная вещь. Наша личность заново идентифицируется. Да, можно сказать, что она синтезируется.

▪ **Мы, безусловно, живем во времена коренных изменений на всех возможных уровнях. Попробуйте при помощи пейзажа рассказать, «что же, собственно говоря, происходит».**

Вначале я немного отклонюсь от темы. Говорят, что в середине девятнадцатого века немецкий естествоиспытатель Александр фон Гумбольдт взошел на горный пик Острый вблизи города Усти-над-Лабой и, хотя к тому времени он уже объехал полмира, огляделся по сторонам и произнес: «*Более*

красивого пейзажа я не видел». Причем во времена Гумбольдта на ландшафт оказывалось очень сильное давление, он активно использовался с экономической точки зрения. У людей тогда не было соответствующих технических средств, поэтому они вынуждены были долго обдумывать, где посадить сливу, а где — яблоню. Такое всеобъемлющее экономическое использование ландшафта подчеркивало его красоту. Человек усиливал природную основу — сухость или влажность. В Чешском Среднегорье дошло до того, что у подножия гор создавались крохотные, «как ладонь», поля, потому что это было возможно. А раз это было возможно, то рядом сажали три-четыре дерева. И так далее. Таким образом, ландшафт раскололся на очень красивую микро мозаику, которая использовалась в экономических целях. Все люди, жившие в те времена, подтверждают в исторических источниках тот факт, что такое экономическое давление усиливало эстетичность ландшафта. И только совсем недавно человек начал навязывать ландшафту свою волю. Кто-то удачно сравнил современное растениеводство с гидропоникой — выращивание в питательных растворах вместо земли. Забота о почве минимальна, добавьте достаточное количество азотнокислых солей, и у вас вырастет все что угодно, даже на песке. С тех пор мы продолжаем наблюдать сокращение эстетического компонента. Несмотря на это, я хочу подчеркнуть, что долгосрочное экономическое использование ландшафта идет ему на пользу. Человек не враг. Не стоит все консервировать и бояться любого вмешательства. За последние десять лет прошло много симпозиумов на тему пейзажа. Говорят: «*Мы теряем внешний пейзаж*». Значит, что-то происходит в пейзаже внутреннем. То, что происходит вокруг нас, ужасно напоминает то, что происходит внутри нас самих. Я уже много раз говорил, если мы хотим знать, что с нами происходит, то не надо идти к психоаналитику, достаточно посмотреть в окно. Эмерсон полагает, что такие вещи, как твердость металла, цвета и всё окружающее, учат нас здравому смыслу. Мы это особо никак не осознаем, но основной опыт — что стекло холодное, что лес зеленый, что листва опадает — мы получаем автоматически из окружения, из ландшафта. Немного беспокоит то, что большое количество людей, живущих в городах, имеют уже новую эстетику. На впечатления от материала, на восприятие геометрии мира очень сильное влияние оказывает детство. Новое городское поколение, которое мы видим на улицах, выглядит в чем-то как мы, но у меня иногда возникает чувство, что это марсиане.

Их мир не такой, как наш. Мы носим в себе эстетику чешского пейзажа, который на своих полотнах изображали Манес и Алеш, потому что на такой земле мы вырастали, туда мы ездили к бабушке на каникулы. Однако это перестает работать. Происходит перелом.

■ Какой?

Несколько лет тому назад в небольшой пражской пивной, которая находилась в Старом Городе¹, я расспрашивал своего знакомого нью-эйдж физика Фритьюфа Капры о шестидесятых. Он присутствовал при тех событиях и умел наблюдать. Так вот, он сказал, что надо, чтобы кто-нибудь наконец составил сравнительную таблицу того, что в это самое время происходило в Китае, в США, в Чехословакии и в других точках мира. Нигерийский Лагос во времена пражского театра малых форм «Семафор» тоже был наполнен музыкой и оптимизмом, в Америке хиппари сражались против истеблишмента, а в Чикаго американский режим защищался броневыми машинами. Происходило что-то похожее на чехословацкие события августа 1968 года, только у нас все было как-то более сурово. Будто бы мир в шестидесятые сначала охватила либерализация и оптимизм, а потом всему пришел насильственный конец. Этот период был более-менее синхронный, в Жижкове² и в Сенегале. Начало девяностых лет было похожим. Вы, наверное, думаете про политику, но я имею в виду клубную сцену и трипп-хопперов. Не только в Чехии это было время творческой деятельности, когда появлялись и распространялись новые вещи, такие как киберпространство и чековая приватизация. Правда, закончилось все это снова коммерцией и разочарованием, но что-то новое появилось. Пока оно почти невидимое — все лучшее, что несет новая культура, любит прятаться и боится средств массовой информации, но оно уже здесь. В привлекательной странности наркотической культуры и всех этих «трэйнспоттингов»³ скрывается выдающееся творчество, а иногда и мощный позитивный заряд. Те, кто это пережил, говорит о революции и

¹ Старый Город — исторический район Праги, когда-то был самостоятельным городом.

² Жижков — городской район в Праге, когда-то был самостоятельным городом, носит имя гуситского вождя Яна Жижки.

³ «Trainspotting» («На игле») — фильм британского режиссера Дэнни Бойла, снятый по одноименному роману Ирвина Уэлша.

при этом вовсе не имеет в виду «бархатную»¹. Я это воспринимаю аналогично. Думаю, что так проявляет себя новая культура, новая эстетика; мы свидетели, именно сейчас, в эти годы, такого значимого явления, каким было, например, барокко. Даже ренессанс пришел не так: люди не проснулись и не осознали, что закончилась готика. Вовсе нет. Все начиналось незаметно: каменотес сделал новые окна — и смотри-ка, никакой стрельчатой арки, лишь один большой прямоугольник. Тут-то и оно. Я считаю, что этот новый период начался у нас, когда каждый второй ребенок уговорил родителей купить ему мобильный телефон. Компьютер — это приспособление, но мобильный телефон меняет социальные отношения. С тех пор мы живем в эпохе мобильных. Когда-нибудь мы будем ее подробно изучать, чтобы понять, что же произошло. Ангlosаксы под словом «цивилизация» понимают материальный базис, а под словом «культура» — идейную надстройку. Цивилизация со временем будет становиться более глобальной, но есть шанс, что культура, хотя бы частично, может остаться локальной и уравновешивать глобализацию. У нас всегда таким базисом будет пейзаж, но центры городов будут все более похожими друг на друга. Нам необходимо понять город, чтобы осознать зарождение нового внутреннего пейзажа.

■ Город вас, явно, беспокоит. Недавно я слышал, как вы рассказывали о загадочных совпадениях, которыми Прагу окутал Карл IV.

Я вам скажу, что меня больше всего беспокоит в Праге на сегодняшний день. Представьте себе, что вы коренной житель Папуа-Новой Гвинеи и что ваше племя вас командировало узнать, что делают пражские коренные жители. Вы приедете в город и, естественно, будете рассматривать самые великолепные здания, поскольку они самые важные и в них живут боги. Таким образом, вы откроете для себя храмы. На них, может, и написано «банк», но это вас не интересует. Эти храмы населены надменными людьми, обладающими властью, которые на расстоянии посылают частички этой власти друг другу. Это жуткая магия — ничего материального вы не видите, кто-то что-то понажимает на клавиатуре, и в другом конце мира падают правительства и разваливаются

¹ Бархатная революция 1989 г. – бескровное свержение коммунистического режима в Чехословакии в результате уличных акций протестов.

предприятия. Ключевым понятием в таком храме является «миллиард». Никто его своими собственными глазами не видел, никто его не может себе представить. А он при этом летает туда-сюда и разрушает судьбы людей. Это большое чудо, хоть само по себе и иррациональное. Оно часто происходит, когда вы верите, что прилетит еще один миллиард. Коренной житель видит, что в банке-храме все устроено почти как дома. Даже с теми же индульгенциями! Несколько миллиардов вдруг да и исчезает неизвестно куда; и тогда необходимо покаяться и совершить ритуальные приношения. Классическая индульгенционная ситуация: Ян Гус в гробу предупреждающе поднимет руку — и все сразу прощено. Как говорит одна моя знакомая, «я никогда не совершаю одни и те же ошибки, всегда новые...» Этот пример похож на шутку, но я хочу сказать, что когда мы замечаем иррациональность вокруг нас, то перестаем презирать средневековье. Представьте себе римскую империю где-то в пятом веке. Гигантские и космополитные города. Люди не хотят много работать, но и рабы не хотят рожать в такой мир детей. Всюду интриги и ориентальные культы. Процветает торговля роскошными заморскими товарами. А потом империя пала. Почему? Экономика не была в состоянии удержать протяженную границу или просто не было смысла сдерживать такой невыносимый хаос? Империя погибла от рук варваров или из-за безразличия и эгоизма? Этот вопрос я задаю себе, стоя перед новыми пражскими храмами. Вы упомянули Карла IV. Я сейчас хожу в Эмаузский монастырь. На протяжении последних 700 лет он является своеобразным центром чешско-югославской взаимности. Этим путем пришли византийские легенды и этим же путем сочинения Гуса попали в Хорватию. Во времена Карла IV некоторые образованные люди верили, что славяне происходят от греков. Эмаузы — это островок более-менее греческой, византийской культуры среди западного, латинского влияния. Когда вечереет, кажется, что фигуры на фресках в Райском дворе, подсвеченные тяжелым восточным светом, похожи на сновидения. И где-то здесь я рассуждаю о жене Карла IV Анне, как хронист ее титулует «*Анна Боснийская, королева далматская*», а также о том, что в истории мы все время колеблемся между Византией и Западом. Сейчас мы как раз западные, но под поверхностью уже пробивается росток Востока. Это как в испанском квартале в Нью-Йорке — они, эти пуэрториканцы, не могут отказаться от своих ценностей и своей памяти. Так же и чехи переступают с ноги на ногу на этом проблемном

мосту между Востоком и Западом. Какое-то время мы идем на Запад, но там скучно и холодно, поэтому мы возвращаемся на другой конец моста, но там беспорядок и смрад, и так мы все время мечемся. В этом и заключается надежда культуры девяностых, которая живет не на мосту, а в широком мире в виде ассортимента «*world music*» в этническом магазине.

▪ Люди в вихре одновременности, под сконцентрированным давлением прошлого и будущего, всегда рассказывают интегрирующие истории. В какой истории мы живем сегодня?

Сегодня уже не одна история, их много. Нам нравится говорить о фрагментарности постмодернистского мира, но при этом происходит менее очевидный процесс объединения. Возьмите, например, обычный хип-хоп или какую угодно современную электронную музыку. Она работает с новыми звуками, с музыкальными поверхностями и цитатами. Она как будто стремится в одной композиции совместить различные влияния. Один ди-джей говорил, что его жизнь — саундтрек. Это значит, что, несмотря на то, что вы каждую минуту слышите что-то новое, все связано между собой, перемешано, это не разбитый мир, а мир, сложенный из разбитых осколков. Под поверхностью рождается что-то интегрирующее. Раньше мы бы назвали это новой историей, но это уже не история, никакая не «*Война и мир*», это клип, но клип о чем-то одном. Другим ключевым словом современной музыки является кроссовер, или смешение. Последние годы полны гибридных явлений. Например, смесь металла и симфонического оркестра. Это грандиозная, спонтанная и многоуровневая попытка совместить несовместимое или, если хотите, создать общий мир. Пространство для этих рассуждений об утешении и надежде новой культуры мне открыла техно-музыка. Не та глупость, которую крутят, в лучшем случае, по радио, а те настоящие попытки посягнуть на будущее. И, как ни странно, это можно сделать посредством прошлого — готик-метал и дум-метал полны архаичных мотивов, обложки книг фэнтези и комиксы кишат созданиями как будто с готического кафедрального собора. Сегодня я спрашивал у студентов, какие общие мотивы они видят в кельтских историях «*Мабиногион*» и в «*Бесплодной земле*» Элиота. Сейчас это уже не является интеллектуальной эксцентричностью. Мы упомянули Карла IV, и вы, наверное, ожидали от меня

истории о тайных братствах кафедральных соборов. Но я ничего не могу с собой поделаться. Для меня чумные язвы средневековья и СПИД, тамплиеры и виртуальные деньги, герой средневековых поэм Парсифаль и искусственный разум Нейромант из романа Уильяма Гибсона загадочным образом сливаются в некую весьма странную симфонию. Симфонию, которой я с радостью и опасениями живу.

Разговор представляет собой сокращенную версию интервью, которое было опубликовано в «Салоне» – литературном приложении чешской газеты «Право» от 19.07.2001 под названием «Мобильник создал новую цивилизацию». Вопросы задавал Ян Стерн.

Китайцы и чешский барочный пейзаж

Взгляд со стороны китайцев

Китайцы часто ищут причину успеха или неуспеха не в том, что человек делает, но в месте, где он живет и работает, и даже в пути, которым он ходит на работу, или же в форме горы, что возвышается за его домом. Они верят, что правильный выбор могилы предков влияет на судьбу детей и что, например, Чан Кайши обязан своим восхождением правильному расположению могилы матери, а своим падением — китайским коммунистам, которые выкопали ее останки и перезахоронили. Археологические находки доказывают, что в Китае уже с эпохи неолита, т. е. семь тысяч лет тому назад, придерживались правил, где расположить деревню, а в ней — храм и другие важные сооружения. Набор правил, которыми руководствовались при сооружении зданий, вскоре начали называть фэн-шуй, что дословно переводится как «ветер и вода». В самом простом варианте правила определяли классическую схему деревни с водохранилищем спереди, южнее деревни, и вереницей холмов, защищающих поселение от холодных северных ветров, сзади. Китайцы изобрели компас не для того, чтобы не заблудиться, а для того, чтобы правильно расположить здание.

Постепенно в течение последнего тысячелетия при императорском дворе возникла «высокая традиция» фэн-шуй, в рамках которой передовые даосские монахи развивали науку о правильном месторасположении до деталей. Они исходили из движения планет и звезд, потому как полагали, что, если правильно перенести небесное мироустройство на Землю, то и отношения на Земле приблизятся к небесным. Любая аномалия, например, открытие кометы или вспышка новой звезды, считалась нарушением распорядка и потока космической силы, что, естественно, должно было вылиться в беспорядки на земле. По тем же причинам комет и небесных явлений побаивались и европейцы. Помимо высокой традиции, которая точно определяла, где и когда необходимо основать, к примеру, императорский дворец или когда совершить дипломатическую миссию, в деревне продолжала существовать некая деревенская магия, которая на местном, «шаманском» уровне гласила то же самое.

Высокая традиция была в Китае уничтожена политическими переворотами и культурной революцией, но сохранилась в Гонконге, где после 1975 года широко распространилась благодаря секте даосистов-черношапочников. Сегодня

без фэн-шуй в Гонконге не обходится ни одна крупная стройка. Особенно банки и торговые дома являются очень частыми клиентами мастеров фэн-шуй. Монахов даже подозревают в корыстности и связях с крупными строительными компаниями. Не без отрыва от капитала практика фэн-шуй за последние десять лет широко распространилась в США, оттуда проникла в Западную Европу и постепенно приходит к нам. Почву для нее подготовила европейская послевоенная архитектура, которая сосредоточилась на строительстве, игнорируя аспект включенности в ландшафт.

Китайский ход мысли нельзя понять без определения слова «ци», которое обычно переводится как «жизненная сила», но на самом деле имеет несколько смысловых уровней. На самом высоком уровне «ци» является космической силой, которая струится через вселенную и поддерживает движение звезд. В момент зачатия частичка космической силы отпечатывается в человеке и таким образом определяет его особенности и способности. Вторым полюсом небесной «ци» являются силы земли. Для китайцев в космосе все взаимосвязано, поэтому потоки земных сил меняются согласно небесным восходам солнца или согласно временам года. Человек находится посередине между небом и землей, он имеет свою собственную «ци», но на нее оказывает влияние как происходящее на небесах, так и земное окружение. Китайцы верят в то, что сильный и гладкий поток личной человеческой «ци» является носителем счастья, здоровья и богатства. Изменения этого потока, безусловно, предопределены состоянием космической силы, на которое мы не можем повлиять, но зато, благодаря выбору места, мы можем вторгнуться во второе силовое поле — в земную «ци». Понятие «ци» (в Японии известно также как «ки») глубоко пронизывает всю китайскую культуру. Человеческой «ци» занимаются акупунктура и боевые искусства, космическая «ци» находит выход в каллиграфии и идеальных пейзажах тушью, земная «ци» — в архитектуре. Основной особенностью «ци» является ее изменчивость. «Ци» сама по себе состоит из двух элементов — «инь» и «ян», которые обычно изображают в виде известного черно-белого круга. Вместе с тем космическая «ци» имеет различные свойства в каждом из восьми направлений. Например, если через дом проходит благоприятная «ци», то мы можем направить ее действие на богатство, расположив кровати или дверь в северной стороне комнаты, или же на известность и репутацию, если расположим их в южной стороне. Через

комбинацию направлений, времен года, различных материалов и человеческих характеров мы, таким образом, получаем запутанный клубок взаимоотношений, который должен размотать эксперт по фэн-шуй. Пока ненадолго забудем о фэн-шуй и сосредоточимся на нескольких простых примерах его применения в городе и дома.

Примеры из практики

Счастливыми и гармоничными формами земельных участков являются простые формы — речь идет, прежде всего, о квадрате или простом прямоугольнике. Точно так же, согласно мастерам фэн-шуй, хорошие дома имеют простые планировки — квадрат, прямоугольник или прямоугольник с широким входом. Традиционные китайские дома строятся на квадратном фундаменте. Если форма земельного участка или форма дома не слишком правильные, то их можно *«исправить»*, например, при помощи фонтана, дерева или фонаря. Неправильная форма может быть компенсирована другими центрами тяжести. Основной и часто повторяющейся ситуацией является дом в заливе и дом на мысе. При этом заливом или мысом может быть не только водная поверхность, но какой угодно участок суши или место расположения высотного здания в «море» низких домиков. Китайцы делают акцент на доме, находящемся в заливе. Он является как бы портом, где выкладывают товар, который движется в дом. С другой стороны, они верят, что в доме на мысе, откуда, наоборот, товар и *«ци»* движутся во всех направлениях, сложно удержать деньги и его владельцы обеднеют.

Улицы города можно представить в виде каналов, по которым движутся люди, деньги и *«ци»*. Если банк или магазин будет расположен на скошенном углу двух дорог, то он будет собирать клиентов и *«ци»* со всех сторон. Если он будет находиться на длинной улице, то *«ци»* и люди будут проходить мимо. Другой пример — реальная ситуация с банком в Гонконге, удачное расположение которого объясняется тем, что клиенты туда приходят со всех сторон. Если рассуждать о жизненной силе *«ци»*, то всегда хорошо представить на ее месте воду. В вышеупомянутом случае с гонконгским банком водный поток наталкивался бы на его место расположения, но в то же время здесь было бы достаточно пространства для того, чтобы он без причинения вреда свернул в другие улицы. Существует и обратная, очень опасная ситуация, которая

называется «стрела». В сторону здания направлены два потока, которые на него наталкиваются и нарушают состояние покоя. Точно так же острые края мебели или углы образуют стрелы в помещении. Некоторые люди не переносят, когда на них направлено какое-нибудь металлическое острие — например, кухонного ножа, лежащего перед ними, — такое же значение имеют внешние и внутренние «стрелы» зданий.

Что касается организации внутреннего пространства, то основное внимание следует уделить форме помещения и расположению мебели. Основными комнатами считаются спальня, где человек проводит минимум треть своей жизни, и кухня, где он готовит еду. Здесь опять же важен принцип простых, стабильных форм. В доме в форме «U» центр повседневной жизни должен располагаться в широком основании, а оба крыла должны быть предназначены для временного использования, например, отведены под склад или комнаты для гостей. Точно так же в доме с узким крылом самые важные помещения должны располагаться в самой стабильной форме, т.е. в более широкой части дома. Другим примером может быть расположение письменного стола менеджера какого-нибудь предприятия. Местом власти считается угол по диагонали от двери. Интересно, что такая планировка доминировала и в традиционной деревенской избе, в которой по диагонали от двери находился красный угол — место, где на скамье у стола посиживал хозяин, а над ним висели иконы. В идеальной спальне кровать должна находиться напротив двери. Важно, что такое расположение настолько практично и естественно, что при наличии небольшого опыта и чутья мы сами можем к нему прийти без помощи мастера по фэн-шуй. Некоторые помещения имеют неправильную форму, либо окна и двери в них расположены таким образом, что мы должны к ним приспособливаться и ограничивать неправильное расположение, например, при помощи зеркал, растений или навесных колокольчиков, что является работой для специалиста.

Взгляд со стороны чехов

А какой будет европейский или чешский подход к поиску счастливого места? Прежде всего, нам надо осознать, кто и для кого пишет книги о фэн-шуй. Преимущественно это женщины, что понятно, потому что женщина знает о доме и месте больше, чем мужчина. В основном, это американки, для которых фэн-шуй

является хорошо оплачиваемой практикой. Они ориентируются не на каких-нибудь пуэрториканцев из пригорода, а на средне-богатых белых американцев, многие из которых меняют дома с такой же периодичностью, как мы покупаем машины. И в отличие от нас у них на выбор сотни мест. Следующими крупными клиентами являются магазины и банки. Это не значит, что все банкиры понимают фэн-шуй, но они понимают своих клиентов. *«Я верю в то, во что верят мои клиенты, поэтому Вы мне здесь нужны»*, — сказал мастеру по фэн-шуй гонконгский банкир. Безусловно, в интересах авторов книг выбрать наиболее убедительные истории, например, о доме, который шесть раз обокрали, и только после того, как владелец по совету мастера завел аквариум с золотыми рыбками, дома никто не коснулся. Еще одним популярным типом традиционно рассказываемых историй является описание того, как кто-то переставил мебель и избавился от мигрени, или как мастер спас разваливающийся брак благодаря тому, что выкопал в саду небольшое озерцо или разместил большой камень.

Я не хочу все упрощать, практически все мы знаем женщин, которые время от времени решают совершенно отвлеченную проблему тем, что дома переставляют мебель, или мужчин, которым на пару дней надо уехать. Мне известен случай, когда семья из центральной Чехии не могла жить в мрачном доме, и им помог некий круг из нескольких каменных столбиков, который они сделали вокруг дома. Такое случается, хотя не часто. Если бы мы верили каждому слову, которое написано в книгах о влиянии места, то мы не смогли бы потом читать остальные книги, в которых другие мастера спасают разбитые сердца и разваливающиеся браки совершенно иными средствами, например, витамином Е, янтарными украшениями или специальными музыкальными композициями. И что бы мы потом думали, например, об астрологии, если бы на судьбу можно было повлиять простой перестановкой кровати в другой угол комнаты?

В то же время из знания чешской народной архитектуры, старых поселений и небольших деревенских церквушек, несколько простых правил все же следует. Так же, как китайцы верят в то, что отрицательную энергию приносят в дом различные трещины в земной коре и узкие водоносные участки, так и наши предки избегали построек над сильными источниками трещинных вод, но терпимо относились к поверхностным водам. Они очень редко выбирали для жилья место на вершинах холмов, скорее что-то пониже — под их защитой. Им не

нравились постройки на краю отвесных склонов или в местах с пересеченным рельефом, где «ци» течет неравномерно, но их привлекали мягкие пологие склоны и волнистый рельеф, расположенные не далеко и в то же время не близко к воде. Кому знаком традиционный чешский пейзаж, который вызывает почти музыкально-мелодичное впечатление, тот знает, о чем я. Все эти практичные и эстетичные критерии можно научно обосновать. Трещины в земной коре меняют геофизические параметры и выделяют в атмосферу различные элементы и газы, например, радон или органические комплексы. Отвесные склоны означают возможность сползания грунта либо порывистого ветра. Удаленность от источника воды говорит о том, как далеко мы хотим носить воду, но она также оказывает влияние на степень влажности внутри здания. Но все же, здесь есть кое-что еще, какое-то полузабытое чешское фэн-шуй. Это — чутье касательно места.

Археологи, ведущие раскопки на территории заповедника Чешский Рай среди песчаниковых навесов скал, обнаружили, что в 80 % случаев древние поселения были найдены в местах, где сегодня себе обустроили места для ночлега лесные бродяги. Многие из этих поселений построены в практичных и приметных местах, больших по площади, солнечных и находящихся недалеко от колодца. Но здесь есть также довольно многочисленная группа скал, где люди снова и снова селятся по каким-то нерациональным причинам, просто потому, что им это место нравится. Мы все сталкивались как с деревенскими домиками, которые будто вырастали из окружающего ландшафта, так и с неудачно расположенными современными домами. Мы учились чувствовать ландшафт и располагать поселения в течение нескольких тысяч лет и, в целом, добровольно от этого отказались в 30-е годы XX века. В нас во всех это есть. Каждый из нас определит хорошее место и плохое. Мы все в этом вопросе специалисты, стоит лишь сконцентрироваться и сосредоточить свое внимание на месте.

Китайцы воздействуют на место, изменяя его. Они создают счастливую атмосферу. Подход нашей современной цивилизации проще. Вместо того, чтобы рассуждать о положительном и отрицательном потоке «ци», который постоянно меняется согласно сторонам света и временам года, мы говорим о патогенных зонах. Вместо счастья и гармонии мы видим только проблемы и болезни. Если вы верите в патогенные зоны, то пригласите двух независимых экспертов и,

возможно, вы будете удивлены, насколько противоречивы будут их мнения. Вместо разных отражателей энергии лучше займитесь цветом ковров, растениями и деревянными предметами. Одно только плохое освещение может вызвать много тревог. А если вы все же живете в доме с привидениями, где ничто не помогает, то не бойтесь делать внутренний ремонт — снесите несколько стен и дайте дорогу свету и воздуху. Я думаю, что одна из форм фэн-шуй у нас приживется так же, как предметы восточной культуры типа риса, чая или кофе. Наша культура ими овладеет в своем порядке, проверенным способом. В дешевой пивной вам не принесут кофе в арабской турке, после прохладного дня вы получите чай с лимоном и без японской церемонии, а рис в заводской столовой вовсе не обязательно есть палочками. Китайское фэн-шуй сегодня помогает нам возобновить старое европейское качество — выбрать правильное место и оставаться довольными.

Весной 1997 года в чешском городе Йичин прошел семинар о Валленштейнской лоджии¹ и скомпонованном барочном ландшафте. Неожиданно в семинаре приняло участие 200 человек — представители Национального института по охране памятников ЧР, историки, природоведы и местные эксперты. Я думаю, что их объединяла одна основная цель — понять традиционные ценности чешского ландшафта и барочного ландшафтного урбанизма, применить их к современному ландшафту и сохранить не только из прошлого, но и из настоящего то, что еще можно сохранить. В современном ландшафте все чаще встречаются проявления *«предпринимательского барокко»*, представленные, например, слишком крупными, эклектичными зданиями банков; *«реституционным урбанизмом»* (возвращенные земельные участки предназначаются не для ведения хозяйства, а для продажи); *«баваризацией южночешской деревни»*, которая начинается с того, что на площади сажают голубую ель; и другими нежелательными вмешательствами в структуры населенных пунктов.

Планы планировки легко приспособляются к экономическому давлению, что хорошо видно на примере постоянно растущего количества рекламных щитов, поставленных на незастроенной территории, или на избытке заправок. Я

¹ Валленштейнский дворец — крупнейший дворец Праги, с 1992 г. место заседаний сената Чешской Республики. Резиденция была выстроена в 1623-30 гг. для фельдмаршала Альбрехта фон Валленштейна.

не хочу вступать в этот популярный и с обеих сторон идеологизированный спор между «экологией» и «экономикой», но следует отметить, что традиционный чешский ландшафт возник не ради красоты и гармонии, но чтобы приносить пользу, хотя в итоге он все равно стал совершеннее, своеобразнее, у него появился свой шарм. В Чехии — как в Китае.

Простые правила благоприятного расположения дома:

- Дом стоит не на источнике трещинных вод, в стороне от разломов земной коры.
- По возможности вода располагается на южной стороне перед ним, заднюю часть дома с северной стороны закрывает холм.
- Дом не располагается на краю крутого склона или в месте с сильно пересеченным рельефом.
- Дом имеет простую форму и стоит на земельном участке простой формы (квадрат, прямоугольник).
- У дома и у места хорошая история, в нем жили хорошие люди.
- Место владельцу и его семье нравится и будет им нравиться до старости.
- У места есть немного от всех природных элементов: что-то от воды, что-то от скалы, что-то от солнца, дерево и иногда умеренный ветер. Если этого нет, то выкопайте озерцо, привезите красивый камень, посадите дерево, освободите место солнцу и ветру.
- Забудьте о фэн-шуй и сделайте себе такой дом, который вы всегда хотели.

Простые правила для помещения:

- Помещение чистое и просматриваемое.
- Представьте, будто помещение наполнено водой. Если вода может свободно и беспрепятственно течь, то это хорошее помещение. Там, где могли бы возникнуть водовороты или пороги, — в тупиках, на острых углах здания или в узких местах — надо быть осторожным.
- Там, где работают, есть место беспорядку. Но он не должен быть везде — отведите для него один угол.
- Если помещению не хватает солнца, замените его теплыми цветами; если ему не хватает земли, принесите с улицы несколько камушков-голышей; если вам

не хватает воды, заведите рыбок. Если вы любите собак, понаблюдайте, куда ложится ваша собака. Если вы любите кошек, делайте то же, что и они. Обращайте внимание на свое окружение. Выращивайте цветы, следите за тем, чтобы присутствовали деревянные предметы и другие природные материалы. Они приносят больше удачи, чем вы думаете.

- Все вещи в хозяйстве должны работать, из кранов не должно течь, у стульев и стола должны быть устойчивые ножки. Тогда вещи вас будут успокаивать, а не нервировать.
- Обращайте внимание на «стрелки», острые грани мебели и здания, которые направлены на вас, когда вы работаете или спите.
- Пусть в помещении будет что-нибудь красивое — камень, картина или скульптура.
- Не поддавайтесь стрессу, если один из принципов невыполним. В вашей власти, как минимум, передать обстановке свое расположение духа, так же, как в ее власти повлиять на вас.

Примечания

АЛЕШ, Миколаш (1852—1913), чешский художник, график, декоратор и иллюстратор, один из представителей т.н. «поколения чешского национального театра».

БРЕТАНЬ, полуостров на западе Франции, а также историческая провинция Франции. Была вассалом английских, затем французских королей. Позднее в личной унии с Францией.

ГИБСОН, Уильям (1948—...), американский писатель-фантаст, основатель стиля киберпанк. Наиболее известна трилогия «Киберпространство» («Нейромант», «Граф Ноль», «Mona Lisa Overdrive»).

ГУМБОЛЬДТ, Александр (1769—1859), немецкий естествоиспытатель, географ и путешественник. Исследовал природу различных стран Европы, Центральной и Южной Америки, Урала, Сибири.

ГУС, Ян (1371—1415), идеолог чешской Реформации. Вдохновитель народного движения в Чехии против немецкого засилья и католической церкви. Порицал торговлю индульгенциями, требовал возвращения к принципам раннего христианства, уравнивания в правах мирян с духовенством. Был осужден церковным собором в Констанце и сожжен.

КАПРА, Фритьоф (1939—...), американский физик австрийского происхождения, философ науки. Основал Элмвудовский институт (Беркли) и Центр экологической грамотности в Калифорнии.

КЕННЕДИ, Джон Фицджералд (1917—1963), 35-й президент США (1961—1963), от Демократической партии. Будучи президентом, выдвинул программу ограничения социально-экономических реформ. Выступал за укрепление военных блоков и вооруженных сил США. Убит в Далласе.

«МАБИНОГИОН» («Mobinogion», букв. «то, что должен знать рассказчик — ученик барда»), единственный дошедший до нас памятник древневаллийского прозаического эпоса, представляет собой компиляцию.

МАНЕС, Йозеф (1820—1871), чешский художник и иллюстратор, представитель романтизма.

ПАРСИФАЛЬ, герой куртуазного эпоса, образующего одну из ветвей сказания о короле Артуре и его рыцарях и входящего в цикл романов Круглого стола. Одним из ранних произведений о нем был роман «Сказании о Граале» Кретьена де Труа.

ПРЖЕМЫСЛ, полубаснословный праотец чешской княжеской (позднее королевской) фамилии Пржемысловцев, первый чешский князь. По происхождению крестьянин из Стадиц, которому отдала свою руку Любуша и разделила с ним господство над Чехией.

ТОСКАНА, область Италии. Столица — Флоренция.

ТРЖЕШТИК, Душан (1933—2007), чешский историк и публицист, специалист по средневековью.

УЭЛЬС, полуостров на западе Великобритании, а также административно-политическая часть Великобритании. В древности территория Уэльса была населена кельтскими племенами кимров. Во время англосаксонского и нормандского завоевания Британских островов на территорию Уэльса была отеснена часть бриттов. Позднее завоеван Англией.

ФРОСТ, Роберт (1875, по др. данным 1874—1963), американский поэт. Стихи и ломке некогда цельного сельского мира, о нравственном кризисе современной буржуазной цивилизации, трагической утрате живого, гармонического контакта между человеком и природой, а также о беспредельном многообразии жизни. Глубоко народная лирика в русле англоязычной классики и фольклора.

ЭЛИОТ, Томас Стернз (1888—1965), англо-американский поэт, представитель модернизма. Трагические ощущения исчерпанности созидательной энергии человечества в поэмах «Бесплодная земля» и «Полые люди». В 1948 г. стал обладателем Нобелевской премии.

ЭМЕРСОН, Ральф Уолдо (1803—1882), американский эссеист, поэт, философ, общественный деятель; один из виднейших мыслителей и писателей США. Первым выразил и сформулировал философию трансцендентализма.

Глава 2. Комментарий к переводу

2.1 Переводческий анализ оригинала и стратегия перевода

2.1.1 Об авторе

Вацлав Цилек (*1955) — чешский геолог, климатолог, философ, писатель и переводчик. Закончил шахтерский техникум, позднее — природоведческий факультет Карлова университета по специальности геология. В 1980—1990 гг. работал в Шахтерском институте Академии наук ЧР, с 1990 г. — в Геологическом институте Академии наук ЧР. В 2004 г. стал его директором.

В творчестве Вацлава Цилека прослеживаются две линии, первая из которых представляет собой научные и научно-популярные тексты, а вторая — художественно-публицистические эссе. Первая статья была им написана в 1988 году на тему климатических изменений. Следующие 20 лет Вацлак Цилек занимался такими темами как изменение окружающей среды и климат, ландшафт и отношение к нему, что вылилось в многочисленные статьи, выступления, программы, воркшопы и экскурсии. Как говорит сам автор, результатом было то, что примерно 2 % популяции начали смотреть на ландшафт, свой дом или свою эпоху по-другому.

Первая книга „Krajiny vnitřní a vnější“ была издана в 2002 году после 33 лет творческой деятельности. За нее, а также за книгу „MaKom: Kniha míst“ Вацлав Цилек был награжден премией Тома Стоппарда. Одной из последних вышла книга “Kameny domova”.

На сегодняшний день Вацлав Цилек известен не только у себя на родине. Его статьи активно переводятся на русский язык. Популярность в интернете получили, к примеру, следующие его статьи: «Египетская арифметика. Каким бы ни был режим, ближайшее будущее египтян розовым не будет» (опубликовано на портале «ЦентрАзия»), «Золотой год: китайцы скупают золото» (опубликовано на портале ИА «Русские Новости»), «Китай: на шаг впереди» (опубликовано на переводном новостном портале ИноСМИ.ru), «О теплых зимах стоит забыть» (опубликовано на информационно-развлекательного порталаа Utro.cz). Переводы интервью с ним часто появляются на сайте «Чешского радио»: «Переместиться через вакуум, не потеряв

лица», «Пришелся бы по нутру Пушкину чешский гранат?», «„Таоистический“ геолог – лауреат премии супругов Гавловых», «Тропинка к сердцу чешских камней».

К сожалению, ни одна из его книг пока не была целиком переведена. В 2009 году в номере журнала «ARCHE», посвященном Чехии, был опубликован наш перевод одной из глав книги „Krajiny vnitřní a vnější“ на белорусский язык.

2.1.2 О произведении

Само название данной книги „Krajiny vnitřní a vnější“ («Пейзажи внутренние и внешние» — пер. наш) подсказывает, что речь пойдет о пейзаже. Автор рассматривает его в разных плоскостях и под разным углом, начиная с пейзажа глазами туристов, далее через пейзаж как объект науки и заканчивая метафорическим пейзажем человеческой души. Такая многоплановость обусловила и разнообразие форм различных глав книги. Здесь есть как научные статьи, дневниковые записи, так и рассуждения и даже интервью. Чтобы передать эту пестроту в своей работе, мы решили выбрать для перевода два отличных друг от друга отрывка — интервью „Ovlivňuje naše krajina naši duši?“ («Влияет ли наш пейзаж на нашу душу?» — пер. наш) и рассуждение „Číňané a česká barokní krajina“ («Китайцы и чешский барочный пейзаж»). Такой выбор был также обусловлен и внутренним делением книги, которая состоит из двух больших разделов — «Внешние пейзажи» и «Внутренние пейзажи». Первый раздел посвящен реальному ландшафту, в физическом смысле, его изменениям и способам защиты. В основе этого раздела лежат тексты, которые предназначались преимущественно защитникам природы и, как говорит сам автор, «локальным патриотам» [0, 6]. Во втором разделе речь идет о пейзаже души и о том, какое влияние на него способен оказывать пейзаж внешний. Оба раздела соединены интервью с самим автором о душе пейзажа и национальном характере чехов. Это своеобразный «мост» между обеими частями книги — научной и художественно-публицистической, который необходим читателю для погружения во вторую часть книги. Помимо интервью, связующим звеном выступает и общий лейтмотив: заботясь о пейзаже, мы заботимся о своей душе.

2.1.2.1 Экстралингвистические факторы

При переводческом анализе исходных текстов мы руководствовались классификацией Кристианы Норд, которая разграничивает экстралингвистические и интралингвистические факторы [18]. Различия между текстами наблюдаются уже на экстралингвистическом уровне.

В случае интервью «производителем» текста выступает не только автор книги, но и интервьюер, который определяет течение разговора и в какой-то степени задает ему тон. Во втором случае автором является непосредственно Вацлав Цилек.

Если абстрагироваться от того факта, что оба текста являются главами одной книги, и посмотреть на них как на самостоятельные произведения, то будет очевидной разница между задачами, поставленными перед этими текстами. В зависимости от цели, М. М. Лукина различает информационное интервью, оперативное интервью (сжатая разновидность информационного), интервью-расследование, интервью-портрет и креативное интервью (беседа, диалог) [9]. В нашем случае речь идет о креативном интервью, задачей которого является раскрытие в рамках беседы творческой и жизненной позиции Вацлава Цилека. Учитывая тот факт, что данный текст представляет собой лишь сокращенную версию интервью, которое уже было опубликовано в литературном приложении чешской газеты „Právo“ под названием „Mobil založil novou civilizaci“ («Мобильник создал новую цивилизацию»), можно предположить, что автор стремился сфокусировать внимание читателя на проблематике пейзажа и его влиянии на человека. Второй текст представляет собой эссе, «жанр, имеющий непосредственную близость с научной, публицистической и художественной литературой, однако не относящийся целиком ни к одной из них» [10]. Задачей любого эссе является формулировка частной проблемы и описание своих «индивидуальных впечатлений и соображений, так или иначе с нею связанных» [26].

Оба текста адресованы широкому кругу чешских читателей, интересующимся вопросами экологии, геологии, географии, истории, культуры и т. д. Второй текст может быть интересен любителям фэн-шуй, а также специалистам в этой области.

2.1.2.2 Интралингвистические факторы

Тематически интервью очень разнообразно и многопланово. Вацлав Цилек затрагивает такие вопросы, как мужское и женское начало в чешском пейзаже, синтетичность чешской души, потеря внешнего пейзажа, новая эстетика городов, эпоха мобильных телефонов, процессы глобализации, Восток — Запад, гибридность современной культуры и др. Эссе посвящено практике фэн-шуй, ее истокам, распространению в разных странах, применению в Китае и в Чехии. Параллельно автор поднимает тему ландшафта и его ценностей.

Жанровая специфика текстов обусловила их архитектуру. Интервью состоит из введения, преимущественно лаконичных вопросов и развернутых ответов на них. Эссе разделено на несколько частей: „Čínský pohled“ («Взгляд со стороны китайцев»), „Praktické příklady“ («Примеры из практики»), „Český pohled“ («Взгляд со стороны чехов»). Последняя часть включает в себя также правила правильного расположения дома и организации внутреннего пространства. Согласно «Краткой литературной энциклопедии» под редакцией А. А. Суркова, произведения в жанре эссе отличаются свободной композицией [26], что можно сказать и о интервью. В то же время эссе — продукт письменной подготовленной речи, а интервью представляет собой зафиксированную в письменном виде устную форму речи. Таким образом, эссе выглядит более проработанным, логически выстроенным, последовательным. Интервью отличается непринужденным, часто парадоксальным изложением, ориентированным на разговорную речь. Авторская мысль зачастую цепляется за что-то новое, и перед читателем возникает поток сознания, который прерывается новым вопросом интервьюера.

Книга содержит много графического материала, прежде всего, это рисунки Милоша Шейна и фотографии Ганы Рысовой. Т. к. в основном тексте ссылки на рисунки и фотографии отсутствовали, мы были вынуждены отказаться от перевода пояснений к ним.

Как в интервью, так и в эссе превалирует нейтральный литературный язык, часто в его разговорном варианте. В обоих текстах встречаются имена собственным (топонимы, антропонимы, наименования), термины и заимствования. Архаизмы и

диалектизмы не встречаются, но в то же время автор часто использует историзмы, неологизмы, заимствованные слова и выражения. Наблюдается отсутствие эмоционально-окрашенной лексики, стиль обоих текстов отличается нейтральностью. Определенная образность достигается за счет сравнений, перифраз.

На синтаксическом уровне наблюдается наличие большого количества вводных слов и конструкций, указательных местоимений и наречий. Синтаксическая структура предложений не гомогенная: длинные распространенные предложения с большим количеством придаточных чередуются с неполными предложениями.

2.1.3 Стратегия перевода

Тексты, которые мы выбрали для перевода, представляют собой лишь отдельные главы книги. В то же время сам Вацлав Цилек в предисловии подчеркивает, что речь идет о сборнике текстов, написанных им в разные временные промежутки. Как дефинировал сам автор, это тексты *«о памяти пейзажа, наделенном разумом бобре, ареале яблочного штруделя, а также о том, зачем нам лезть на обзорную башню»* (прим. — пер. наш). Таким образом, несмотря на определенную архитеконику книги, общую тематику и лейтмотив, отдельные ее части могли бы функционировать в принимающей литературе как самостоятельные произведения различной жанровой принадлежности, поэтому мы старались воспринимать переводимые нами тексты не как главы книги, а как законченные произведения. Таким образом, нашей основной целью было создать адекватный перевод, который функционально был бы эквивалентен оригиналу, т. е. выполнял бы в принимающей литературе функции, соответственно, интервью и эссе. Учитывая разницу в фоновых знаниях читателя оригинала и потенциального читателя перевода, мы стремились приблизить текст к русскому сознанию, при этом давая возможность будущему реципиенту ощутить прагматический потенциал текста и правильно его интерпретировать. Иными словами, мы старались найти компромисс между культурной адаптацией и экзотизацией, сведя к минимуму свое «субъективное вмешательство» в текст и максимально приблизившись к «объективной сущности» переводимых произведений [8].

2.2 Типология переводческих проблем и способы их решения

2.2.1 Лексический уровень

2.2.1.1 Полисемия

При переводе мы неоднократно столкнулись с проблемой многозначности. В «Словаре-справочнике лингвистических терминов» под редакцией Д. Э. Розенталя, М. А. Теленковой полисемия, или многозначность, определяется как «наличие у одного и того же слова нескольких связанных между собой значений, обычно возникающих в результате развития первоначального значения этого слова» [31]. К примеру, слово *země* может означать 'почву', 'землю', 'страну'. Все эти значения в какой-то степени связаны между собой, но в то же время отличаются определенными семами.

В отрывке, где речь шла о создании США, мы отдали предпочтение слову *zemlja*, учитывая тот факт, что речь идет о территории, которая на тот момент еще не была страной:

„...kde popsal pocity prvních pionýrů, když vstupovali do země. Cítili tehdy, že ta země ještě nebyla jejich...“ [O, 104].

«...в которой описал ощущения первопроходцев, ступивших на новую землю. Они чувствовали, что эта земля им еще не принадлежала...» [П, 9].

Дальше автор рассуждает о Чехии и еврейской общине, поэтому мы использовали слово *strana*:

„I za války to byla jejich země“ [O, 104].

«...ведь во времена войны их страной была Чехия» [П, 9].

Слово *zemlja* мы старались использовать также в предложениях, где автор рассказывает о необычных свойствах земли как таковой, без привязки к какой-нибудь конкретной стране:

„Horník pracuje se silami země, s podzemním světem, téměř s podsvětím...“ [O, 105].

«Шахтер работает с силами земли, с подземным миром, практически с преисподней...» [П, 10].

Слово *zemědělství* также имеет два значения — 'земледелие' и 'сельское хозяйство'.

Выражение *сельское хозяйство* очень широкое и включает в себя такие отрасли, как растениеводство, грибоводство, животноводство. В предложении, где автор описывает ситуацию с выращиванием культурных растений в современном мире, мы сузили лексическое значение, отдав предпочтение слову *растениеводство*:

„Někdo kdysi moderní zemědělství výstižně přirovnal k hydroponii — pěstování ve výživných roztocích místo v zemi“ [O, 107].

«Кто-то удачно сравнил современное растениеводство с гидропоникой — выращивание в питательных растворах вместо земли» [П, 13].

Согласно концепции В.Н. Комиссарова, такая модификация представляет собой конкретизацию значения слова. [5].

Слово *земледелие*, в отличие от выражения *сельское хозяйство*, очень узкое, поэтому мы использовали его в тех случаях, когда речь шла непосредственно о приемах воздействия на почву:

„Zemědělství v podstatě říká, že dá-li pánbůh a nepřijde neúroda, tak čím víc budete pracovat, tím víc budete mít“ [O, 105].

«По сути, земледелие гласит, что если даст Господь Бог и не будет неурожая, то чем больше вы трудитесь, тем больше получите» [П, 10].

Определенные трудности возникли с переводом слова *krajina*, которое в чешском языке употребляется в значении 'местность', 'край', 'округа', 'пейзаж', 'ландшафт'.

Слово *пейзаж* в значении 'картина', 'вид' мы использовали в предложении, где автор упоминает полотна известных чешских живописцев — Й. Манеса и М. Алеша:

„My v sobě máme estetiku české krajiny v té mánesovské, alšovské podobě...“ [O, 108].

«Мы носим в себе эстетику чешского пейзажа, который на своих полотнах изображали Манес и Алеш ...» [П, 14].

В других контекстах нам пришлось выбирать между словами *пейзаж* и *ландшафт*. Согласно «Толковому словарю» под редакцией С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, в русском языке слово *ландшафт* употребляется в двух значениях — 'рельеф земной поверхности, общий вид и характер местности' и 'то же, что и пейзаж' [30]. «Современный толковый словарь русского языка» под редакцией И. Ф. Ефремовой в качестве основного значения слова *ландшафт* приводит 'природный географический комплекс, для которого характерно сочетание определённых признаков: рельефа, климата, почв, растительного мира' [25]. Таким образом, нынешнее понятие *ландшафт* более широкое, чем *пейзаж*, т. к. включает в себя не только рельеф, но и растительный мир, климат и т. д. В то же время в современном мире мы часто встречаемся с ландшафтным дизайном и ландшафтным проектированием, поэтому слово *ландшафт* может вызывать ассоциации с чем-то, что возникает под влиянием человеческой деятельности. Мы избрали тактику использования обоих слов с учетом контекста: слово *пейзаж* мы старались употребить в предложениях, где акцентировался природный характер местности, а слово *ландшафт* — в предложениях, где речь шла о хозяйственном ее использовании.

При переводе названия книги мы остановились на варианте «Пейзажи внутренние и внешние», учитывая то, что в русском языке существует устойчивое метафорическое выражение *пейзаж души*, которое часто встречается в текстах по психологии, литературоведению и т. д. Таким образом, слово *пейзаж* мы использовали там, где автор проводит параллель между внешним и внутренним миром:

„Říkají: Ztrácíme vnější krajinu. Znamená to, že se něco děje i v krajině vnitřní“ [O, 107].

«Говорят: „Мы теряем внешний пейзаж“. Значит, что-то происходит в пейзаже внутреннем» [П, 13].

Или:

„Potřebujeme porozumět městu, abychom pochopili zrod naší nové vnitřní krajiny“ [O, 110].

«Нам необходимо понять город, чтобы осознать зарождение нового внутреннего пейзажа» [П, 15].

Слово *ландшафт* было более уместно, например, в части, где автор рассказывает о семинаре, на котором поднимались вопросы барочного урбанизма:

„...porozumět tradičním hodnotám české krajiny a barokního krajinného urbanismu, aplikovat je na současnou krajinu a zachránit...“ [О, 128].

«...понять традиционные ценности чешского ландшафта и барочного ландшафтного урбанизма, применить их к современному ландшафту...» [П, 25].

Слову *ландшафт* мы отдали предпочтение также в предложениях, в которых говорится о вмешательстве человека:

„Přitom v jeho době na krajinu byl na krajinu kladen nesmírný tlak, byla velice silně ekonomicky využívána“ [О, 107].

«Причем во времена Гумбольдта на ландшафт оказывалось очень сильное давление, он активно использовался с экономической точки зрения» [П, 13].

2.2.1.2 Имена собственные

2.2.1.2.1 Топонимы

При переводе особое внимание мы были вынуждены уделить топонимам, которые в большом количестве присутствуют в обеих главах. Некоторые из них достаточно известны и фреквентны, потому их перевод не вызвал сложностей. Некоторые, наоборот, оказались специфическими чешскими, поэтому мы были вынуждены обратиться к словарям и энциклопедиям.

Такие названия, как *Česká kotlina*, *České středohoří*, требовали лишь уточнения. Слово *kotlina* может быть переведено на русский язык как *котловина*, *долина*, *впадина*. Т.к. в нашем случае это слово являлось частью географического названия, то мы обратились, прежде всего, к «Словарю современных географических названий» под редакцией В. М. Котлякова. В данном словаре в статье о Чехии упоминается название *Чешская котловина*: *«Внутри Чешского массива лежит Чешская котловина, состоящая из ряда низменностей... и разделяющих их низкогорных массивов»* [33]. Такой же перевод мы нашли в «Большой советской энциклопедии» в статье о Чешском массиве:

«Внутренняя часть Чешского массива представляет собой обширное понижение (т.н. Чешская котловина), состоящее из ряда низменностей и разделяющих их возвышенностей и низкогорных массивов» [21].

Слово *středohoří* может быть переведено на русский язык как *горы средней высоты* или как *средние горы*. В географическом приложении к «Большому чешско-русскому словарю» *České středohoří* переведено как *Чешские средние горы* [40], но в то же время в «Горной энциклопедии» под редакцией В. А. Козловского в статье о Чехословакии упоминается *Чешское Среднегорье* [23]. Второй вариант перевода нам показался лаконичнее, поэтому мы остановились на нем.

Гору, откуда пришел первый легендарный князь чехов, автор называет *Milešovka, hora hromu* и *Donnersberg*. Русский перевод первых двух названий мы нашли в «Энциклопедическом словаре» под редакцией Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона в статье о Миттельгебирге: «*Миттельгебирге или Средние горы, а также Межигорье — горный кряж вулканического происхождения в Чехии... Отличается обилием вершин, из которых самые высокие — Милешевка или Громовая гора — 835 м и Клеченберг — 704 м высоты*» [36]. *Громовая гора* по-немецки будет *Donnersberg* (*Donar* — у древних германцев бог грома и непогоды, *berg* — 'гора'), отсюда третье название. В переводе мы использовали пояснение, чтобы читатель понял, что речь идет просто о еще одном названии той же горы:

„*Donnersberg je tedy druhý pól Řípu...*“ [O, 106].

«*Таким образом, Громовая гора или, как ее называют немцы, Доннерсберг — это второй полюс Ржипа...*» [П, 11].

К пояснению мы прибегли также при переводе названия *Český ráj*. Согласно «Энциклопедии туризма Кирилла и Мефодия», Чешский Рай представляет собой заповедник в северо-восточной части Чехии, который в 2005 г. приобрел статус геологического парка, или геопарка [38].

„*Archeologové kopající v pískovcových převisch Českého Ráje zjistili...*“ [O, 127].

«*Археологи, ведущие раскопки на территории заповедника Чешский Рай среди песчаниковых навесов скал, обнаружили...*» [П, 24].

В виду чужеродного звучания слова *Kokořinsko* мы воспользовались приемом описательного перевода, заменив исходное название описанием, раскрывающим его суть [5]. *Kokořinsko* представляет собой т. н. *chráněnou krajinnou oblast*, т.е. область с охраняемым ландшафтом, центром которой является замок Кокоржин. «Терминологический словарь по строительству на 12 языках» определяет *охраняемый ландшафт* как «ландшафт, охраняемый государством путем регламентации его использования» [34]. Согласно данному словарю, чешским эквивалентом этого выражения является *chráněná krajinná oblast*. В то же время «Экологический словарь» дает понятия *охраняемый ландшафт* и *ландшафтный заповедник* как синонимические, причем признаками такого заповедника является «красота и комфортность», «интерес для отдыха населения», «возможность ведения хозяйственной деятельности, при условии, что ландшафтная ценность будет сохранена» [24]. Таким образом, мы пришли к названию *ландшафтный заповедник Кокоржин*:

„Plochá zemědělská, která se nejednou propadne ve skalnatý kaňon, jako třeba na Kokořinsku“ [O, 105].

«Плоский сельскохозяйственный, который неожиданно проваливается в каменистый каньон, как, например, в ландшафтном заповеднике Кокоржин» [П, 10-11].

Своеобразную ловушку для переводчика представляло название *Panonská nížina*. Согласно «Большой советской энциклопедии», Паннонская низменность — это древнеримское название Среднедунайской равнины, которую также называют Венгерской низменностью [21]. Мы остановились на более часто употребляемом названии — *Среднедунайская равнина*.

Определенные трудности при переводе вызвало выражение *dunajský okruh*. Слово *okruh* может быть переведено на русский язык как 'кольцо', 'круг', 'округ', 'область'. Согласно «Энциклопедии „Вокруг света“», с 1819 по 1924 г. город Ульм являлся административным центром Дунайского округа (Donaukreises) Вюртемберга [37]. Но т. к. Германия не находится на одной прямой со Среднедунайской равниной и Польшей, то этот вариант перевода мы посчитали не подходящим. Вариант *дунайский круг* нам показался не очень удачным, т. к. такое название («Дунайский круг») носит одно из инвайронментальных движений, которое возникло в 1984 году, чтобы противостоять

плану перекрытия Дуная. Кроме того, так назывались мотоциклетные соревнования, которые регулярно проходили в Словакии, начиная с 1946 года. Согласно материалам с портала мотогонщиков, Дунайский круг тянулся вдоль побережья Дуная, но ограничивался Братиславой [17]. В словацком языке существует также слово *Podunajsko*, которым обозначают туристический и административный регион, предположительно больший по размерам, чем дунайское кольцо, поэтому мы постарались избежать использования слов *регион*, *область*. Учитывая все это, а также тот факт, что слово *dunajský* в тексте оригинала написано с маленькой буквы, мы хотели остановиться на варианте *дунайское кольцо*. Однако, связавшись непосредственно с автором, нам удалось выяснить, что речь идет, скорее, о поясе: «*Pod dunajským okruhom* я, наверное, понимаю большую часть поддунайской области, которая южнее Чехии и Словакии образует неправильную дугу, сегодня я бы, скорее, написал „пояс“ (прим. — перевод наш)». Таким образом, окончательным вариантом перевода был *дунайский пояс*.

2.2.1.2.2 Антропонимы

Следующей переводческой проблемой были антропонимы. С целью сохранения исходной звукографической оболочки иноязычных антропонимов их принято транскрибировать либо транслитерировать. В. Н. Комиссаров ведущим способом в современной переводческой практике считает транскрипцию с сохранением некоторых элементов транслитерации [5].

Для передачи чешских имён собственных на русский язык существуют унифицированные правила практической транскрипции, которая не всегда совпадает с реальным чешским произношением, т.е. не является чисто фонетической транскрипцией [3, 187-190]. Практической транскрипцией мы воспользовались в следующих случаях: *Mánes* — *Манес*, *Aleš* — *Алеш*. Согласно логике этой транскрипции, чешский звук *ř* передается на русский язык как *рш* после глухих согласных и как *рж* в остальных случаях. Данное правило мы не смогли применить при переводе имени *Přemysl* и фамилии *Třeštík*, т.к. здесь мы столкнулись с т. н. традиционным переводом.

Přemysl — это древнее чешское имя, согласно легендам, так звали полумифического праотца чешской княжеской (позднее королевской) династии, а

также двух чешских королей. В первую очередь мы обратились к энциклопедическим словарям. В энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона есть статья о князе *Пржемысле* [36], в «Большой советской энциклопедии» есть две статьи, посвященные *Пржемыслу I Отакару* и *Пржемыслу II Отакару* [21]. В то же время в русском переводе «Старинных чешских сказаний» Алоиса Ирасека, сделанном Ф.П. Боголюбовой в 1952 году, фигурирует имя *Пршемысл* [4]. С учетом жанрово-стилистической специфики переводимого текста мы решили остановиться на словарном варианте — *Пржемысл*. Трудности также возникли со второй, «говорящей» частью имени князя — прозвищем *Oráč*, где семантическое значение полностью совпадает с соответствующим нарицательным. В русскоязычных источниках можно встретить, как минимум, три варианта перевода: *Пржемысл Орач*, *Пржемысл-пахарь*, *Пржемысл Пахарь*. Последний вариант нам показался наиболее удачным, т. к. он позволяет избежать экзотизации и помогает приблизить текст читателю.

Что касается перевода фамилия *Třeštík*, то здесь мы приняли во внимание работы данного автора, которые уже были переведены на русский язык и изданы в России. Во всех переводах он фигурирует как *Душан Тржештик* [14] [15] [16].

Исключениями из правил транскрипции и транслитерации являются имена некоторых исторических личностей, освященные традицией переводов. В нашем случае одним из таких антропонимов было имя чешского короля *Карла IV*.

При переводе нечешских имен известных деятелей, таких как *Александр фон Гумбольдт*, *Фритьоф Капры*, *Эмерсон*, *Чан Каши*, мы руководствовались, преимущественно, традицией.

2.2.1.2.2 Наименования

Русская грамматика различает имена собственные в узком смысле этого слова и наименования. К именам собственным в узком смысле относятся имена и прозвища людей, клички животных, географические и астрономические названия. К наименованиям относятся названия учреждений, организаций, объединений, исторических эпох и событий, праздников, массовых мероприятий, орденов, архитектурных памятников, а также названия газет, журналов, наград, произведений искусства и т. п. [32].

При переводе названий чешских архитектурных памятников мы руководствовались как энциклопедиями, так и путеводителями. Причем не всегда представленные в них варианты перевода совпадали. Например, выбирать пришлось между различными вариантами перевода названия чешского монастыря *Ěmauzský klášter*. В энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона есть статья, посвященная Реймскому евангелию, в которой упоминается *Эмаусский монастырь*: «Из Эммаусского монастыря евангелие было занесено гуситами в Константинополь» [36]. В то же время в путеводители по Праге, составленном под руководством Ц. Рыбара и переведенном на русский язык Л. Лазаревой, есть глава о пражских монастырях, в которой отдельно описывается *Монастырь На Слованех*, он же *Эмаузский монастырь*: «Монастырь На Слованех — Эмаузы — Вышеградска улице: Эмаузский монастырь заложен Карлом IV в 1347 году для монахов бенедиктинского ордена» [13]. В виду того, что словарь издавался в кон. XVIII — нач. XIX века, а путеводитель переводился значительно позже, мы остановились на более современном варианте — *Эмаузский монастырь*.

При переводе названия *Semafor* не достаточно было использовать транслитерацию, т. к. русскому читателю может быть не понятно, что речь идет о пражском театре малых форм, поэтому мы прибегли к лексическому добавлению:

„Nigerijský Lagos byl v časech pražského Semaforu taky naplněn hudbou a optimismem...“
[O, 108].

«Нигерийский Лагос во времена пражского театра малых форм „Семафор“ тоже был наполнен музыкой и оптимизмом...» [П, 20].

Чешское название *Národní památkový ústav* может быть дословно переведено на русский язык как *Национальный институт наследия*. Именно такой перевод употреблен в русской версии сайта этой организации. В то же время в России существует республиканская общественная организация, которая называется *Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры*. Ознакомившись с функциями обоих учреждений, мы остановились на варианте перевода *Национальный институт по охране памятников ЧР*, т. к. чешское учреждение является, в первую

очередь, научно-исследовательским, а российское — законодательством касательно памятников истории и культуры и непосредственно их охраной.

При переводе названия объединения *sekta Černých čeríc* нам пришлось обратиться к специализированной литературе. На портале о фэн-шуй мы нашли информацию о том, что данная секта представляет собой популярную школу, которая синтезировала в себе принципы тибетского и китайского буддизма, даосизма и народной мудрости. Для уточнения названия мы обратились к «Популярному словарю по буддизму и близким к нему учениям» [22]. В нем мы не нашли отдельной статьи об этой секте, но нашли статью о школе Кагьюд, дочерними школами которой были названы карма (па) черношапочников и карма (па) красношапочников. Соответственно, мы решили использовать название «Секта черношапочников».

2.2.1.3 Термины

Задача любого термина — максимально сжато и точно передать информацию, чтобы исключить возможность произвольного и субъективного толкования, поэтому при переводе терминов мы старались быть максимально аккуратными.

Сложность вызвал термин из области проектирования *územní plán*. В «Чешско-русском экономическом словаре» данный термин переведен на русский язык как *территориальный план* [42], в то же время в «Большом чешско-русском словаре» — как *план района, территории* [40]. Мы также воспользовались «Русско-чешским политехническим словарем», где *stěrný územní plán* дается как эквивалент русского понятия *генеральный план* [27]. Таким образом, мы были вынуждены обратиться к специализированной литературе на чешском и на русском языках, чтобы изучить смысловое наполнение данных понятий.

В Чешской Республике *územní plán* представляет собой вид эскиза, проекта, который создается на основании Закона о строительстве № 183/2006 Свода законов ЧР и имеет форму мер общего характера. Цель таких проектов — рационализировать пространственную и функциональную организацию территории, найти такие предпосылки, которые бы позволили застраивать территорию, сохраняя при этом баланс между интересами экономики, населения и окружающей среды. В Российской

Федерации подобные задачи решает проект планировки. Его целью является планирование территории с учетом всех параметров и функций, необходимых для гармоничного развития среды проживания, отдыха и производственной деятельности человека. Составляющей частью проекта планировки является генеральный план. Учитывая семантическое наполнение обоих терминов, мы остановились на варианте перевода *план планировки*.

Несколько вариантов перевода было также у термина *členitý terén*. В «Большом чешско-русском словаре» данное понятие переведено на русский язык как *пересеченная местность, расчлененный рельеф*. В «Толковом словаре» под редакцией Д. Н. Ушакова в качестве примера использования слова *рельеф* приведено выражение *пересеченный рельеф местности: «Строение земной поверхности (геогр., геол.). Пересеченный рельеф местности. Горный рельеф»* [35]. Мы отдали предпочтение более лаконичному варианту *пересеченный рельеф*.

Для того, чтобы найти правильный русский эквивалент термина *volná krajina*, нам пришлось ознакомиться с его смысловым наполнением. В «Словаре территориального развития» на сайте Института территориального развития ЧР данное понятие расшифровывается как часть земной поверхности вне застроенной территории населенных пунктов, где природные элементы преобладают над элементами техническими [41]. В русском языке территория, на которой отсутствуют все виды наземной, надземной и подземной застройки, называется *незастроенной территорией*.

При переводе термина *pískovcový převis* мы воспользовались «Большим чешско-русским словарем», согласно которому выражение *skalní převis* означает *карниз, навес скалы, нависшую скалу* [40]. Хотя в оригинале слово *skalní* отсутствует, мы остановились на варианте перевода *песчаниковые навесы скал*, т.к. известно, что Чешский Рай славится, прежде всего, своими скальными городами.

2.2.1.4 Этнографизмы

Согласно «Большому толковому словарю русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова, этнографизм может представлять собой «*описание особенностей и*

деталей материальной и духовной культуры какого-либо народа» или «слово или выражение, обозначающее вещь или понятие, характеризующие особенности материальной и духовной культуры народа» [29]. Примером этнографизма может послужить слово *дожинки*, которым обозначается 'праздник по случаю окончания жатвы' (по времени совпадающего с праздником Успения Пресвятой Богородицы). Мы постарались сохранить в переводе данный этнографизм с целью подчеркнуть народный колорит, параллельно дав в сноске определение:

„*Zemědělec chodí pravidelně do kostela, žije ve smíru, pojetí zemědělské magie je dožínkové, veselé*“ [0, 105].

«*Земледелец регулярно ходит в церковь, живет в мире и согласии, понимание земледельческой магии дожиночное, веселое*» [П, 10].

Еще одним регионализмом выступает слово *permoník*, которое, по всей вероятности, произошло от немецкого названия *Bergmann*, что значит 'горный человек', 'горнорудный человек'. Это некий мифический властитель земных недр, хозяин приисков. Поверья о нем бытуют во многих областях, расположенных вблизи рудников. Согласно Л. Раденкович, «названия, мотивированные связью этого духа с землей, встречаются у сербов, хорватов, у русских и украинцев:... подземный царь, подземельный царь (Урал, Арх. обл. — Черепанова 1983)», в то же время «в некоторых названиях у русских и чехов сохраняется связь этого духа с “горой” и “скалой”: *горный, горный дед (батюшка, старец)* (Урал, Алтай, Западная и Южная Сибирь — Власова 1998); *skalní muž, skalní človíček, důlní skřítek* (Вельмезова 2002)» [12]. Таким образом, единого перевода данного этнографизма на русский язык не существует. Выяснив, что *permoník* может представлять перед рудокопами в различном виде: в антропоморфном облике карлика, иногда в облике обычного человека (шахтера, надсмотрщика, инженера), изредка как существо с зооморфными знаками, мы решили прибегнуть к генерализации и использовать более общее выражение *горный дух*.

2.2.1.5 Заимствования

Чешский язык, как и русский, содержит много заимствований из других языков, в т. ч. из английского. Разница заключается в широте использования некоторых

англицизмов. Например, такие лексемы, как *impregnovat, předimenzovaný* вписываются в стилистику чешского текста, но в русском тексте *импрегнировать* и *дизензия* воспринимались бы читателем как инородные. Нам пришлось прибегнуть к переводу данных заимствований исконно русскими лексемами — *пронизывать* и *слишком крупный*:

„*Pojem čchi (v Japonsku je známá jako „ki“) hluboce impregnuje celou čínskou kulturu*“ [O, 122].

«*Понятие „ци“ (в Японии известно также как „ки“) глубоко пронизывает всю китайскую культуру*» [П, 20].

„*V ní se stále častěji setkáváme s různými výrazy „podnikatelského baroka“ představovanými např. předimenzovanými, eklektickými budovami bank...*“ [O, 128].

«*В современном ландшафте все чаще встречаются проявления „предпринимательского барокко“, представленные, например, слишком крупными, эклектичными зданиями банков...*» [П, 25].

Хотя слово *bilbord* может быть переведено на русский язык как *билборд*, мы все же отдали предпочтение более распространенному выражению *рекламный щит*:

„*...jak je dobře vidět na vzrůstajícím množství billboardů postavených ve volné krajině...*“ [O, 128].

«*...что хорошо видно на примере постоянно растущего количества рекламных щитов, поставленных на незастроенной территории...*» [П, 25].

В то же время в случае слова *crossover* мы использовали транслитерированный вариант *кроссовер*, т.к. дальше по тексту следует пояснение:

„*Dalším klíčovým slovem moderní muziky je cross-over neboli kříženec*“ [O, 111].

«*Другим ключевым словом современной музыки является кроссовер, или смешение*» [П, 17].

При переводе слова англицизма *establishment* мы использовали зафиксированный в русских словарях иностранных слов вариант *истеблишмент*:

„*...v Americe bojovali hipíci proti establishmentu...*“ [O, 108].

«...Америке хиппари сражались против истеблишмента...» [П, 14].

К переводу посредством иностранных слов мы прибегли в случае лексем *фэншуй*, *реституция*, *баваризация*, которые не имеют в русском языке других аналогов.

2.2.1.6 Труднопереводимые лексемы

Большие сложности при переводе вызвало малоупотребимое слово *skalnatiny*. В чешско-русских переводных словарях оно отсутствует. В «Чешско-немецком словаре» под редакцией Фр. Шт. Котта данная лексема переведена на немецкий язык как *felsiges Land*, что означает 'каменистая, скалистая земля' [39]. Учитывая то, что слово *rahorkatina*, которое имеет аналогичный аффикс переводится на русский язык как *холмистая местность*, мы решили остановиться на варианте *каменисто-скалистая местность*. Комментарий автора подтвердил правильность наших рассуждений: «*Skalnatiny — это что-то вроде каменных склонов, тут и там камни, а между ними — небольшие скалы, как в чешском гимне, это не скала, а каменный ландшафт, при этом речь не идет только о камнях, некоторые из них имеют размер небольших скал (прим. — перевод наш)*».

Еще одним проблематичным выражением были *tvrdé skály*. В дополнительных материалах, размещенных на сайте Чешского технического университета, мы нашли чешско-английское пособие, в котором упоминаются *těkké skály* и их английский эквивалент *soft rocks*. В «Англо-русском геологическом словаре» выражение *soft rock* переведено на русский как *слабая порода, рыхлая порода* [20]. Противоположность представляет собой *крепкая порода, скальная порода*. Мы остановились на варианте перевода *крепкие горные породы*, уточнив, о каких именно породах идет речь.

2.2.1.7 Перифразы

В «Словаре-справочнике лингвистических терминов» под редакцией Д. Э. Розенталя, М. А. Теленковой перифраза, или парафраз, определяется как «*выражение, являющееся описательной передачей смысла другого выражения или*

слова», «замена названия лица, предмета или явления описание их существенных признаков или указанием на их характерные черты» [31].

Перифразой мы воспользовались при переводе выражения *země snů*, что дословно значит 'земля, страна грез'. Мы учли тот факт, что такой перевод может вызвать у читателя ложные ассоциации с другими странами. Например, Марк Твен в 1897 году так назвал Индию: «*Земля грез и романтики, неслыханного богатства и небывалой нищеты, роскоши и бедности, дворцов и лачуг, голода и чумы, духов и исполинов, ламп Алладина, тигров и слонов, кобр и джунглей, страна сотней народов и языков, тысячи религий и двух миллионов богов...*». Чтобы вызвать у читателя ассоциации с Палестиной, мы решили остановиться на варианте перевода *обетованная земля*. Согласно «Толковому словарю» под редакцией С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, слово *обетованный* употребляется в таких выражениях, как *обетованная земля, обетованный край* и обозначает 'изобильный и счастливый край, место, куда кто-нибудь стремится попасть' [31]. Таким образом, нам удалось передать смысл, не вызывая ложных ассоциаций:

„*Žádná Palestina — to byla země snů*“ [O, 104].

«*Вовсе не Палестина — она была землей обетованной*» [П, 9].

Пожалуй, самой трудноразрешимой переводческой проблемой для нас была цитата о жене Карла IV Анне, где она названа *Anna Bosenská, královna dalmatská*. Автор не смог точно вспомнить, из какой именно монографии была взята данная цитата, поэтому нам не удалось найти первоисточник. У Карла IV было две жены по имени Анна. С 1349 г. по 1353 г. он был женат на Анне Пфальцкой, дочери Рудольфа II Слепого, пфальцграфа Рейнского. После ее смерти в 1353 г. Карл IV женился на Анне Швайдницкой, дочери Генриха II, герцога Силезско-Швайдницкого, брак с которой длился до 1362 г. Учитывая тот факт, что Эмаузский монастырь, в связи с которым в тексте упоминается жена Карла IV, возник в 1347 году, можно предположить, что речь идет о более раннем браке с Анной Пфальцкой, однако, она не носила титул далматской королевы, равно как и Анна Швайдницкая. Таким образом, мы были вынуждены перевести данную цитату дословно как «*Анна Боснийская, королева далматская*».

Сноска в данном случае была бы излишней, т. к., во-первых, нам не известен источник цитаты, а, во-вторых, в контексте всего абзаца данная информация вторична.

2.2.2 Грамматический уровень

Согласно концепции В.Н. Комиссарова, к грамматическим трансформациям относится дословный перевод, или синтаксическое уподобление, грамматические замены (членов предложения, форм слова, частей речи) и членение предложения [5]. А. М. Фитерман и Т. Р. Левицкая среди переводческих трансформаций грамматического характера также выделяют опущение и добавление [7].

Прием синтаксического уподобления мы применяли в тех случаях, когда в чешском и русском языках обнаруживались параллельные синтаксические структуры. Нулевая трансформация могла сопровождаться некоторыми изменениями структурных компонентов, например, опущением глагола связки, служебных частей речи и т.п.

При отсутствии в русском языке определенной грамматической формы происходила **замена формы слова**. Т. к. в русском языке отсутствует синтетическая форма повелительного наклонения I лица, мы были вынуждены ее заменить формой будущего времени:

„Pro tuto chvíli na něj zapomeňme a soustředme se na několik jednoduchých příkladů...“
[O, 122].

«Пока ненадолго забудем о фэн-шуй и сосредоточимся на нескольких простых примерах...» [П, 21].

Часто происходило изменение вида глаголов:

„V okamžiku početí se částička kosmické síly otiskne do člověka a bude tak určovat jeho vlastnosti a možnosti“ [O, 122].

«В момент зачатия частичка космической силы отпечатывается в человеке и таким образом определяет его особенности и способности» [П, 20].

Или:

„Některé místnosti jsou nepravidelné nebo mají umístěna okna a dveře takovým způsobem, že se jim musíme přizpůsobit ...“ [O, 126].

«Некоторые помещения имеют неправильную форму, либо окна и двери в них расположены таким образом, что мы должны к ним приспосабливаться...» [П, 22].

В ряде случаев, несмотря на возможность замены формы слова более употребимой, мы предпочли сохранить вариант, использованный в оригинале. Например, в предложении, где описывается внутреннее устройство деревенского дома, многократный глагол *sedával* мы перевели как *посиживал*, т.к. в русском языке многократные глаголы употребляются преимущественно при изображении народного быта либо как средство архаизации стиля [32].

„...i v tradiční venkovské chalupě, kde šikmo naproti dveřím byl umístěn „svatý roh“ — místo, kde na lavici za stolem sedával hospodář a nad ním visely obrázky.“ [O, 125]

«...в традиционной деревенской избе, в которой по диагонали от двери находился красный угол — место, где на скамье у стола посиживал хозяин, а над ним висели иконы». [П, 22]

При отсутствии в русском языке эквивалента той же части речи происходила **замена частей речи**. Например, местоименное наречие *kudy* не имеет русского однословного эквивалента, поэтому было заменено словосочетанием *которым путем*.

К замене частей речи мы также прибегали в случае различного употребления слов и различных норм сочетаемости в чешском и русском языках. К примеру, предлог *naproti* был заменен прилагательным *противоположный*:

„Naproti tomu existuje zvlášť nebezpečná situace nazývaná „šíp““ [O, 121].

«Существует и обратная, очень опасная ситуация, которая называется „стрела“» [П, 21-22].

Прилагательное *moderní* было заменено наречием *сегодня*:

„...zjistili, že v 80 % případů našli pravěké osídlení v místech, kde si svá nocležiště udělali moderní trampové“ [O, 127].

«...обнаружили, что в 80 % случаев древние поселения были найдены в тех в местах, где сегодня себе обустроили места для ночлега лесные бродяги» [П, 24].

Глагол-связка с инфинитивом *je vidět* были заменены словосочетанием *хороший пример*:

„Je to dost dobře vidět na zdejší židovské komunitě...“ [O, 104].

«Хороший пример — чешская еврейская община...» [П, 9].

Словосочетание *mít zkušenost* было заменено глаголом *сталкиваться*:

„Každý z nás má zkušenost s venkovskými chaloupkami, které...“ [O, 127].

«Мы все сталкивались как с деревенскими домиками, которые...» [П, 24].

Наречное словосочетание *nezávisle na sobě* было заменено прилагательным *независимый*:

„Věříte-li na patogenní zóny, pak si nezávisle na sobě pozvěte dva znalce...“ [O, 127].

«Если вы верите в патогенные зоны, то пригласите двух независимых экспертов...» [П, 24].

Данным приемом мы также пользовались для того, чтобы избежать в переводе двусмысленности:

„...Čankajšek vděčí ta svůj vzestup správnému umístění hrobu své matky a za svůj pád tomu, že jej čínští komunisté vykopali a přenesli“ [O, 121].

«...Чан Кайши обязан своим восхождением правильному расположению могилы матери, а своим падением — китайским коммунистам, которые выкопали ее останки и перезахоронили» [П, 19].

В чешском языке принято выделять общее и частное отрицание, причем частное отрицание употребляется в значительно меньшей степени, чем в русском языке. Мы это учитывали при переводе отрицательных предложений. Например:

„Číňané často nehledají příčinu úspěchu nebo neštěstí v tom, co člověk dělá...“ [O, 121].

«Китайцы часто ищут причину успеха или неуспеха не в том, что человек делает...» [П, 19].

Или:

„Zátokou či mysem přitom nemusí být jenom vodní plocha, ale také se může jednat o jakýkoliv výběžek pevniny...“ [O, 121].

«При этом заливом или мысом может быть не только водная поверхность, но какой угодно участок суши...» [П, 21].

Или:

„Pochopitelně se neobracejí k nějakým Portorikáncům z předměstí, ale k středně bohatým bílým Američanům...“ [O, 126].

«Они ориентируются не на каких-нибудь пуэрториканцев из пригорода, а на средне-богатых белых американцев...» [П,].

Несмотря на совпадение категории собирательности у слова *dřevo*, которое на русский язык переводится как *дерево*, *древесина*, мы все равно были вынуждены прибегнуть к замене ввиду несовпадения сочетаемости:

„Místo různých odražečů energie raději pracujte s barvami koberců, květinami a dřevem“ [O, 127].

«Вместо разных отражателей энергии лучше займитесь цветом ковров, растениями и деревянными предметами» [П, 25].

В этом предложении нами был также применен лексический прием генерализации: в виду созвучности слов *цвет* и *цветы* мы были вынуждены заменить последнее на *растения*.

В случае несовпадения категории числа мы использовали прием **замены грамматических категорий**. Например:

„Mnoho neklidu pochází jen ze špatného osvětlení“ [O, 127].

«Одно только плохое освещение может вызывать много тревог» [П, 25].

Принимая во внимания объемность и трудночитаемость некоторых предложений оригинала, мы воспользовались приемом **членения предложений**, который заключается в преобразовании синтаксических структур. Чаще всего

трансформация заключалась в преобразовании сложного предложения в несколько предикативных структур. Например:

„Číňané kladou důraz na dům stojící v zátocě, která je jakoby přístavem, v němž se vykládá zboží, jež proudí do domu“ [O, 125].

«Китайцы делают акцент на доме, находящемся в заливе. Он является как бы портом, где выкладывают товар, который движется в дом» [П, 21].

Также мы прибегали к замене причастий и причастных оборотов на определительные придаточные предложения с союзными словами *как, что*. Например:

„Soubor pravidel používaných při zakládání staveb se již záhy začal nazývat „feng-šuej...“ [O, 121].

«Набор правил, которыми руководствовались при сооружении зданий, вскоре начали называть фэн-шуй...» [П, 19].

„...či v tvaru hory ležící za jeho domem“ [O, 121].

«...или же в форме горы, что возвышается за его домом» [П, 19].

Иногда речь шла о замене придаточной части предложения членами предложения. Например:

„A co bychom si pak měli myslet třeba o astrologii, kdyby osud šlo změnit jen tím, že si postel přetáhneme do jiného kouta místnosti?“ [O, 126]

«И что бы мы потом думали, например, об астрологии, если бы на судьбу можно было повлиять простой перестановкой кровати в другой угол комнаты?». [П, 25]

Или, наоборот, членов предложения на придаточную часть:

„Všímejte si ‚šípů‘, ostrých hran nábytku a stavby, které na vás při práci nebo spánku míří“ [O, 126].

«Обращайте внимание на «стрелки», острые грани мебели и здания, которые направлены на вас, когда вы работаете или спите» [П,].

В некоторых предложениях мы заменяли придаточную часть на деепричастную конструкцию:

„*Čiňané s místem pracují tak, že ho proměňují*“ [O, 126].

«*Китайцы воздействуют на место, изменяя его*» [П, 24].

Прием **опущения** предполагает «отказ от передачи в переводе семантически избыточных слов, значения которых оказываются нерелевантными или легко восстанавливаются в контексте» [5]. Чаще всего мы опускали указательные местоимения и наречия, некоторые союзы, в некоторых случаях и существительные:

„...*kosmická čchi proudí kaligrafií a tušovými kresbami ideálních krajín*...“ [O, 122].

«...*космическая „ци“ находит выход в каллиграфии и идеальных пейзажах тушью*...» [П, 20].

Приемом **добавления** мы пользовались преимущественно из стилистических соображений:

„*Naše kultura se jich zmocní svým vlastním, fungujícím způsobem*“ [O, 127-128].

«*Наша культура ими овладеет в своем порядке, проверенным способом*» [П, 25].

Заменив некоторые утвердительные формы в оригинале на отрицательные, мы воспользовались лексико-грамматическим приемом **антонимического перевода**:

„*S kapitálovým propojením se praxe feng-šuej v posledních deseti letech rychle rozšířila do USA*...“ [O, 122].

«*Не без отрыва от капитала практика фэн-шуй за последние десять лет широко распространилась в США*...» [П, 20].

„*Není to nikdy krajina jednoho principu, Čechy jsou vždy směsice*“ [O, 106].

«*Это всегда сочетание нескольких принципов, своеобразная смесь*» [П, 11].

2.2.3 Стилистический уровень

При переводе мы старались избегать грубых стилистических ошибок, как тавтология и плеоназм, а также лексических повторов и неудачного порядка слов. В то же время, согласно Н. С. Валгиной, «идеально нормативная речь психологически создает ощущение сухости, пресности, она не задевает эмоциональных струн» [2]. Иными

словами, иногда осознанная речевая ошибка придает речи некоторую непринужденность, разговорность. Учитывая тот факт, что интервью нуждается в непринужденно-разговорном тоне и определенной степени эмоциональности, в некоторых случаях мы оставляли лексические повторы оригинала в тексте перевода. Например:

„Říkají: Ztrácíme vnější krajinu. Znamená to, že se něco děje i v krajině vnitřní. To, co se děje kolem nás, je hrozně podobné tomu, co se děje v nás“ [O, 107].

«Говорят: „Мы теряем внешний пейзаж“. Значит, что-то происходит в пейзаже внутреннем. То, что происходит вокруг нас, ужасно напоминает то, что происходит внутри нас самих» [П, 13].

Эффект непосредственности мы также стремились повысить за счет сохранения разговорных выражений оригинала:

„O tom, že země ovlivňuje vlastnosti lidí, se hodně píše, ale hrozně těžko se to dokazuje“ [O, 105]

«O том, что земля влияет на черты людей, пишут много, хотя это ужасно тяжело доказать» [П, 10].

Когда какая-либо чешская разговорная грамматическая форма отсутствовала в русском языке либо плохо вписывалась в контекст, мы прибегали к лексико-грамматическому приему **компенсации**:

„Vůbec ne, začalo to nenápadně — kameník jim udělal nová okna — a ejhle, žádný lomený oblouk, ale velký obdélník. A bylo to tady“ [O, 109-110].

«Все начиналось незаметно: каменотес сделал новые окна — и смотри-ка, никакой стрельчатой арки, лишь один большой прямоугольник. Тут-то и оно» [O, 15].

2.2.4 Прагматический уровень

Прагматический потенциал представляет собой способность текста производить эффект, вызывать к себе определенное отношение у реципиента. В процессе перевода мы старались учесть национальные, социально-культурные и психологические

различия между чешским и русским читателем, чтобы эффект, производимый оригиналом, был тождественен эффекту перевода.

Прежде всего, мы попытались «локализовать» текст, чтобы читатель четко представлял, что речь идет о Чехии, а не о его стране. Например:

„Je to dost dobře vidět na zdejší židovské komunitě. I za války to byla jejich země“ [O, 104].

«Хороший пример — чешская еврейская община: ведь во времена войны их страной была Чехия» [П, 9].

Предполагая отсутствие у потенциального читателя фоновых знаний, связанных с чешской географией, мы старались эксплицировать их в тексте, используя прием **лексических добавлений**. Например:

„Na jaře roku 1977 proběhl v Jičíně seminář...“ [O, 128].

«Весной 1997 года в чешском городе Йичин прошел семинар...» [П, 25].

Или:

«...взошел на горный пик Острый вблизи города Усти-над-Лабой...» [П, 12].

„...vylezl...na horu Ostrý u Ústí nad Labem...“ [O, 107].

Или:

„...střed pravěkých Čech, které sahaly od Krušných hor k Brdům“ [O, 105].

«...центром чешских исторических земель, которые простирались от Крушных гор к возвышенности Брди» [П, 11].

В тех случаях, когда лексическое добавление могло нарушить, например, синтаксический параллелизм, мы делали сноску в тексте и давали пояснение внизу страницы. Например:

„Byla to taková víceméně synchronní doba, na Žižkově i v Senegalu“ [O, 109].

«Это был более-менее синхронный период, в Жижкове¹ и в Сенегале» [П, 14].

«¹Жижков — городской район в Праге, когда-то был самостоятельным городом, носит имя гуситского вождя Яна Жижки» [П, 14].

К сносам мы также прибегли у эпонима *praotec Čech* [O, 106], *sametová revoluce* [O, 109], т. к. русский читатель не обязательно должен знать, что, согласно легенде, зафиксированной чешским хронистом XII века Козьмой Пражским, Чехия была основана праотцом Чехом; или что процесс бескровного реформирования социалистического режима в Чехословакии в 1989 году получил название «*бархатной революции*».

Иногда нам приходилось прибегать к приему **натурализации текста**, который заключается в снятии эффекта «экзотики» и упрощении. Например:

„V Žižkovské hospodě vám kafe nepřinesou v arabské džezvě...“ [O, 128].

«В дешевой пивной вам не принесут кофе в арабской турке...» [П, 25].

Согласно В.Н. Комиссарову, такое балансирование между экзотизацией и натурализацией приемлемо, потому как «соотношение между прагматикой оригинала и перевода может быть различным, и прагматическая адекватность перевода необязательно заключается в сохранении прагматики исходного текста» [6].

Список использованной литературы

Основная литература

1. Čilek V. Krajiny vnitřní a vnější. — Praha: Nakladatelství Dokořán, 2010. — 269 с.

Дополнительная литература

2. Валгина Н. С. Теория текста: Учеб. пос. — М.: Логос, 2003. — 250 с.
3. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур. — М.: Р.Валент, 2001. — 200 с.
4. Ирасек А. Старинные чешские сказания / Сокр. пер. Ф. Боголюбовой. — М.-Л.: Детгиз, 1952. — 32 с.
5. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. — М.: Высш. шк., 1990. — 253 с.
6. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: Учеб. пос. — М.: ЭТС, 2001. — 424 с.
7. Левицкая Т. Р. Теория и практика перевода с английского языка на русский / Т. Р. Левицкая, А. М. Фитерман. — М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1963. — 125 с.
8. Левый И. Искусство перевода. / Пер. с чеш. и предисловие Вл. Россельсва. — М.: Издательство «Прогресс», 1974. — 395 с.
9. Лукина М. Технология интервью: Учеб. пос. для вузов. — М.: Аспект Пресс, 2003. — 192 с.
10. Лямзина Т. Ю. Жанр эссе [Электронный ресурс] : (к проблеме формирования теории) // : Специальность «Журналистика» : [сайт] / Перм. гос. ун-т. — Пермь, [б.г.]. — Режим доступа: http://psujourn.narod.ru/lib/liamzina_essay.htm, свободный. — Загл. с экрана.
11. Паршин А. Н. Теория и практика перевода. — М.: Русский язык, 2000. — 161 с.
12. Раденкович Л. «Беркман» и другие духи-властители земных недр у славян. [Электронный ресурс] / Комиссия по этнолингвистике при международном комитете славистов, Проект Растко. — Электрон. текстовые дан. — [б.м.] [б.г.] — Режим доступа: <http://www.rastko.rs/rastko/delo/11699>, свободный. — Загл. с экрана.
13. Рыбар Ц. Путеводитель по Праге. — Прага: Изд-во Олимпия, 1975. — 287 с.
14. Тржештик Д. Среднеевропейская модель государства периода раннего Средневековья // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987. — С. 124—131.
15. Тржештик Д. Возникновение славянских государств в Среднем Подунавье // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI—XII вв.). М., 1991. — С. 69—81.

16. Тржештик Д. Славянские этногенетические легенды и их идеологическая функция // *Studia Balcanica*. Т. 20. Раннефеодальные государства и народности. София, 1991. — С. 38—43.
17. Moto-svet.cz [Электронный ресурс] / адм. и ред. Petr Foltán. — Электрон. текстовые, граф. дан. — [б.м.] [б.г.] — Режим доступа: <http://www.moto-svet.cz>, свободный. — Загл. с экрана.
18. Nord, Ch. *Text Analysis in Translation: Theory, Methodology, and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis*. — Amsterdam & New York: Rodopi, 2005. — 274 с.
19. Některé definice a klasifikace zemin, druhy zemních prací [Электронный ресурс] / Электрон. текстовые, граф. дан. — [ČVUT v Praze?], [2011] — Режим доступа: <http://old.technologie.fsv.cvut.cz/upload/users/parova/ke-stazeni/ancele.pdf>, свободный. — Загл. с экрана.

Энциклопедии, словари, справочники

20. *Англо-русский геологический словарь* / Под ред. П. П. Тимофеева и М. Н. Алексеева. — М.: Рус. яз., 1988.
21. *Большая советская энциклопедия* [Электронный ресурс] — Электрон. текстовые дан. — М.: Советская энциклопедия. 1969—1978. — Режим доступа: <http://dic.academic.ru>, свободный. — Загл. с экрана.
22. Голуб Л. Ю. *Популярный словарь по буддизму и близким к нему учениям* / Л. Ю. Голуб, О. Ю. Другова, П. Ю. Голуб. — М.: Издательский дом «Хроникер», 2003.
23. *Горная энциклопедия* / Гл. ред. Е. А. Козловский. — М.: Сов. энцикл., 1984—1991.
24. Дедю И. И. *Экологический энциклопедический словарь*. — Кишинев: Главная редакция Молдавской советской энциклопедии, 1989.
25. Ефремова Т. Ф. *Современный толковый словарь русского языка*. — АСТ, Астрель, Харвест. — 2006.
26. *Краткая литературная энциклопедия* / Гл. ред. А. А. Сурков. — М.: Сов. энцикл., 1962—1978.
27. Клоудова Б. *Русско-чешский политехнический словарь*. — М.: Советская энциклопедия, 1974.
28. Комлев Н. Г. *Словарь иностранных слов*. — М.: ЭКСМО-Пресс, 1999.
29. Кузнецов С. А. *Большой толковый словарь русского языка*. — СПб.: Норинт, 1998.
30. Ожегов С. И. *Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений* / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — М.: Азбуковник, 1997.
31. Розенталь Д. Э. *Словарь-справочник лингвистических терминов* / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова — М.: Просвещение, 1976.
32. *Русская грамматика* / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. — М.: Наука, 1980. Т. 1.

33. Словарь современных географических названий. / Под общ. ред. акад. В. М. Котлякова. — Екатеринбург: У-Фактория, 2006.
34. Терминологический словарь по строительству на 12 языках. / ГСЭВ. Постоян. комис. по стр-ву; [Сост. М. Е. Беленький и др.]. — М.: Рус. яз., 1986.
35. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. — М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935—1940.
36. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона [Электронный ресурс]. — Электрон. текстовые дан. — С.-Пб.: Брокгауз-Ефрон, 1890—1907. — Режим доступа: <http://dic.academic.ru>, свободный. — Загл. с экрана.
37. Энциклопедия «Вокруг света» [Электронный ресурс]. — Электрон. текстовые дан. — [б.м.] [б.г.] — Режим доступа: <http://www.vokrugsveta.ru>, свободный. — Загл. с экрана.
38. Энциклопедия туризма Кирилла и Мефодия [Электронный ресурс]. — Электрон. текстовые дан. — [м.н.], 2008. — Режим доступа: <http://dic.academic.ru>, свободный. — Загл. с экрана.
39. Kott F. Št., Česko-německý slovník. — Praha, 1878—1893.
40. Sádliková M. Velký česko-ruský slovník / M. Sádliková, I. Krejčířová. — Praha: LEDA, 2005.
41. Slovník územního rozvoje [Электронный ресурс] : / Ústav územního rozvoje — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.uur.cz/?id=3790> свободный. — Загл. с экрана.
42. Vavrečka M. Česko-ruský slovník pro hospodářskou sféru / M. Vavrečka, M. Hrdlička, B. Rudincová. — Praha: Centr Evropy, 1999.